

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

*Воронежский ежегодник
экономических исследований*

2013

№ 1

Экономическая теория и история
Воронежский ежегодник экономических исследований
№ 1, 2013
Основан в 2013 году

Учредитель:
Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета;
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран

Редакционная коллегия
проф., д.э.н. *П.А. Канопухин*
проф., д.э.н. *А.И. Удовиченко*
к.и.н. *И.Б. Горшенева*
доц. *М. В. Кирчанов* (отв. ред. ВГУ)
к.и.н., доц. *А. В. Погорельский*
к.и.н. *И. В. Форе́т*

Editorial Board
Prof., Dr.Hab. in Economics *Pavel A. Kanapukhin*
Prof., Dr.Hab. in Economics *Alexander I. Udovichenko*
Dr. Irina B. Gorsheniova
Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret
Dr. Alexander V. Pogorelsky

Адрес редакции
394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, ауд. 105

Все материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия настоящего издания
доступна на официальном сайте Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
<http://www.ir.vsu.ru>

Содержание

Нетрадиционная экономическая история

- М.В. Кирчанов*, Храмовая проституция и проблемы генезиса прото-рыночных отношений в обществах Древнего Востока 4

Статьи

- В.С. Сайчук*, Оценка влияния финансовой системы региона на функционирование рынка туристических услуг 12

Экономическая история

- М.В. Кирчанов*, Экономическая динамика и статика в доиндустриальных обществах 21

Из истории экономической мысли Украинского Зарубежья

- Вс. Голоубничий*, Плановая и свободная экономика: сравнение 46

Дискуссия

- Экономические исследования в Украине: национальные, постсоветские, или между советским прошлым и мировой экономической наукой 54

Переводы

- Амилкар Кабрал*, Краткий анализ социальной структуры «португальской» Гвинеи 69
- Майкл Буравой*, Если кто-то хочет избавиться от марксизма, ему придется сначала избавиться от капитализма 73

НЕТРАДИЦИОННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Максим **КИРЧАНОВ**

ХРАМОВАЯ ПРОСТИТУЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ПРОТОРЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВАХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Автор анализирует проблемы истории проституции в контексте генезиса рыночных отношений. Анализируется феномен храмовой (религиозной) проституции в восточных обществах.

Ключевые слова: Восток, история экономики, проституция, генезис рыночных отношений

The author analyses problems of prostitution history in the context of market relations genesis. The phenomenon of temple (religious) prostitution in Oriental societies is analyzed.

Keywords: Orient, history of economy, prostitution, genesis of market relations

Автор аналізує проблеми історії проституції в контексті генезису ринкових відносин. Аналізується феномен храмової (релігійної) проституції в східних суспільствах.

Ключові слова: Схід, історія економіки, проституція, генезис ринкових відносин

Постановка проблемы. Проблема генезиса рыночных отношений принадлежит к числу дискуссионных вопросов с современной экономической теории, особенно – в тех странах, которые пребывают в состоянии перехода от командно-административной системы к капитализму, основанном на принципах рынка. В научной литературе существует несколько основных подходов к проблеме генезиса капитализма, который ассоциируется с рыночными отношениями. Сторонники первой точки зрения полагают, что капитализм стал следующим этапом в развитии западного общества, который пришел на смену феодализму. Адептами этой теории является немало исследователей, теоретические и методологические предпочтения которых разнообразны и варьируются от марксизма (в том числе – и его вульгарной советской версии) до институционализма. Вторая точка зрения основана на признании того, что экономический опыт современного (начиная с Нового Времени) капитализма не является уникальным, а рыночные отношения существовали не только в капиталистических, но в

древних (восточных и античных) и средневековых (преимущественно западных) обществах.

Актуальность проблемы. Современная экономическая наука на постсоветском пространстве, с одной стороны, развивается в условиях теоретического и методологического плюрализма, одновременного сосуществования и конкуренции различных теорий, которые могут предлагать полярно противоположные интерпретации одних и тех же экономических процессов. С другой стороны, экономические исследования в таких постсоветских государствах как Украина и Россия развиваются преимущественно как практико-ориентированные. В динамике развития экономической науки в России в 2000 – 2010-е годы отчетливо проявляются негативные тенденции, связанные с сокращением теоретических дисциплин в подготовке будущих бакалавров и даже магистров экономики. В такой ситуации теоретические проблемы экономической истории оказываются «в тени» более перспективных, связанных с реальной экономикой, тем. Среди незаслуженно если не забытых, то оттесненных на задний план, на задворки экономической науки пребывает и проблема генезиса рыночных отношений. Проблема генезиса рынка имеет не только теоретическое, но и практическое значение для России и Украины как стран, которые продолжают проводить рыночные реформы. Изучение подобной проблематики также является необходимым условием развития экономической науки – без проведения серьезных теоретических и методологических исследований экономическая наука не может развиваться нормально и динамично.

Анализ публикаций и исследований. Проблемы храмовой проституции привлекали внимание нескольких исследователей. Большинство работ, посвященных этой проблеме, являются преимущественно историческими: их авторами (Г. Лихт¹, Е. Дюпуи², П. Дюфур³) анализировались проблемы именно истории и культурного, религиозного значения храмовой проституции. Российские исследователи Г.Б. Дерягин, П.И. Сидоров, А.Г. Соловьёв⁴ анализировали храмовую проституцию как комплексный и сложный феномен, связанный с социальными трансформациями и культурными изменениями в древних обществах. Некоторые проблемы, связанные с историей проституции, но почти исключительно в социальном контексте, отражены в исследованиях советского историка И.М. Дьяконова⁵ и индийского социолога С. Нанда⁶. Исследований храмовой проституции в контексте экономической истории и генезиса рыночных отношений практически нет.

Цель статьи. В центре авторского внимания в статье – проблемы места и роли храмовой проституции в обществах Древнего Востока в контексте генезиса рыночных отношений. Целью статьи является изучение и анализ роли храмовой проституции как фактора, который постепенно содействовал трансформации традиционных социальных структур восточного социума, возникновению товарно-денежных отношений и изменению роли храма в контексте его трансформации из преимущественно религиозного актора в участника экономических процессов.

Храмовая проституция в античных источниках и историографии. Феномен храмовой проституции был известен во многих обществах как Древнего Востока, так и классической античности (Греция, Рим). Проститутки, которые жили и практиковали при храмах, известны как иеродулы. Дабы избежать обвинений в искусственности и надуманности темы, Автор приведет три пространных фрагмента из древних источников, которые отражают достаточно широкое распространение феномена храмовой проституции в Древнем мире. Авторами, которые впервые полно и детально описывали храмовую проституцию, были носители античной культурной традиции.

Античный автор, Лукиан, описал особенности храмовой проституции на примере города Библос: «в Библосе я также видел великий храм Афродиты и познакомился с распространенными здесь оргиями. Горожане верят в то, что смерть Адониса, убитого вепрем, произошла в их стране, и в память об этом они каждый год бьют себя в грудь и сокрушаются, и вся страна объята великой скорбью. Когда же они перестают бить себя в грудь и сокрушаться, они справляют похороны Адониса и утверждают, будто на следующий день он пробуждается к жизни, помещают его на небеса и обривают головы, как египтяне в ознаменование смерти Аписа. Что касается тех женщин, которые отказываются стричь волосы, то все они претерпевают следующее наказание: в назначенный день они обязаны выставить себя на продажу; на этот рынок доступ имеют одни чужестранцы, а доходы идут в храм Афродиты»⁷. Французский историк Пьер Дюфур, как и Е. Дюпуи, оценивал эти явления с точки зрения морали, интерпретируя их как «чудовищные»⁸.

Факты существования храмовой проституции зафиксированы и в произведениях Страбона, который описал подобные обычаи в Коринфе, Мидии и Армении: «святилище Афродиты было так богато, что имело более тысячи храмовых рабынь-гетер, которых посвящали богине, как мужчины, так и женщины; и благодаря этим женщинам город становился многолюдным и богател; так, например, капитаны ко-

раблей легко растрачивали здесь свои деньги, и отсюда идет пословица: “Не всякому в Коринф доступен путь”... Мидийцы и армяне почитают все священные обряды персов. В особом почете культ Анаитиды у армян, которые в честь этой богини построили святилища в разных местах, в том числе и в Аксилене. Они посвящают здесь на служение богине рабов и рабынь. В этом нет ничего удивительного. Однако знатнейшие люди этого племени также посвящают богине своих дочерей еще девушками. У последних в обычае выходить замуж только после того, как в течение долгого времени они отдавались за деньги в храме богини, причем никто не считает недостойным вступать в брак с такой женщиной... При этом они так ласково обращаются со своими любовниками, что не только оказывают им гостеприимство и обмениваются подарками, но нередко дают больше, чем получают, так как они происходят из богатых семей, снабжающих их для этого средствами»⁹.

Геродот, например, в своей «Истории» очертил широкую панораму храмовой проституции: «самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться [за деньги] чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с [толпой] остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: “Призываю тебя на служение богине Милитте!”. Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре»¹⁰. Подобные явления в

историографии начала XX века оценивались негативно, позиционируясь французским историком Е. Дюпуи как проявления «разврата мужчин и женщин» и «гносного противоестественного разврата»¹¹, что свидетельствует о доминировании преимущественно событийной и оценочной, а не междисциплинарной традиции написания истории, которая включала бы в себя как политическую и культурную, так и социально-экономическую компоненту.

Храмовая проституция: попытка экономического анализа. Анализируя античные свидетельства о храмовой проституции, во внимание необходимо принимать несколько факторов, признав морализаторские интерпретации начала XX века, которые мы находим в работах французских историков, устаревшими. Проституция не была чем-то предосудительным; проституция могла иметь добровольный и принудительный характер; принудительно проституцией могли заниматься рабыни, что свидетельствует о стремлении рабовладельцев получать в результате эксплуатации рабов не только исключительно материальные, но и денежные выгоды.

В этом контексте феномен храмовой проституции в обществах Древнего Востока мы можем анализировать в рамках культурологической теории товара М. Дугласа и Б. Ишервуда¹². Американские исследователи полагают, что товары, услуги и их использование являются выражением различных проявлений культуры и культурных ценностей. В рамках подобной возможной интерпретации храмовая проституция – это одновременно форма культуры и форма экономического потребления, хотя степень «экономического» потребления дискуссионна в сравнении с ярко выраженным религиозным уровнем фактически экономической легитимации храмовой проституции в традиционных обществах Древнего Востока.

Феномен храмовой проституции был связан с особой социальной ролью храма в древневосточном обществе. Российский историк Леонид Васильев, комментируя храмовый фактор в истории Востока, подчеркивает, что «отделение храмового хозяйства от общинного и превращение его в особую сферу экономики, в государственное хозяйство, сыграло важную роль в укреплении экономических, а затем и политических позиций жреческой администрации»¹³. Экономическое влияние храма было не столь велико и значительно как роль светских акторов. Поэтому храмы в древневосточных обществах были заинтересованы как в увеличении своего экономического влияния, так и в росте доходов.

Храмовая проституция в этом процессе играла особую роль, содействуя постепенному размыванию традиционной экономики, спо-

собствуя формированию товарно-денежных и проторыночных отношений. Формирование рынка в восточных обществах протекало медленно. Немецкий экономист Хайко Шрадер полагает, что для традиционных обществ характерно «отсутствие рынка» или его незначительное влияние и неспособность «определить стиль жизни»¹⁴. Именно поэтому в обществах Древнего Востока храмовая проституция не смогла в полной мере реализовать свою экономическую, рыночную функцию. К проституции относились как к форме религиозного служения – храмовая проституция не была изолированным явлением, но развивалась как составной элемент религиозной культуры и связанной с ней религиозной экономики в целом.

Храмовая проституция в обществах Древнего Востока имела экономическую функцию, содействуя увеличению доходов храма. Феномен храмовой проституции в обществах Древнего Востока имел не только иррациональные и биологические основания, как пытались доказать французские историки начала XX века. Храмовая проституция была экономически мотивированным процессом. Немецкий социолог и экономист Макс Вебер, комментируя специфику различных экономических действий, полагал, что они направлены на получение экономической выгоды¹⁵.

В контексте развития храмовой проституции необходимо помнить, что в ее рамках экономическая выгода могла присутствовать, являясь вторичной потому, что храмовая проституция легитимизовалась не экономически, а оправдывалось религиозно. Проституция имела сезонный характер и вероятно была связана с периодами пребывания большого количества иностранцев, которые играли роль клиентов. Храмовая проституция содействовала появлению рынка сексуальных услуг из которого были исключены мужчины-сограждане, но который (по сведениям Геродота и Лукиана) был открыт для иностранцев. В этом контексте проституция была своеобразной формой «экспорта», не связанного с вывозом товара – специфика процесса проявлялась в том, что услуги храмовых проституток предлагались исключительно чужеземцам, что содействовало формированию в их глазах весьма специфического имиджа страны.

Выводы и перспективы исследования. Суммируя вышесказанное Автор полагает, что феномен храмовой проституции можно проанализировать в контексте экономических трансформаций и генезиса рыночных отношений в обществах Древнего Востока.

Экономики древневосточных обществ в научной литературе воспринимаются как традиционные, в которых ведущую роль играло государство. Древний Восток, по мнению значительной части исследо-

вателей, не знал экономики в современном понимании этого слова. Древние восточные общества имели распределительные экономики. Важным фактором в формировании этого типа экономики стала специфика политической власти. Общества Древнего Востока функционировали в условиях существования режимов авторитарного типа, которые в научной литературе известны как деспотии. На вершине политической и социальной лестнице в такой организации общества стоял деспот, который мог сочетать политическую и религиозную власть. Успешное и удачное существование и воспроизводство системы гарантировалось наличием развитого чиновничьего аппарата, особую роль в котором играли писцы. Писцы в рамках восточной деспотии несли функцию фиксации результатов урожаев и перераспределения (дистрибуции) продуктов.

Среди важнейших реципиентов урожаев в натуральной форме были храмы. Подобное натуральное перераспределение удовлетворяло потребности жречества, которое было заинтересовано не только в увеличении доходов храма, но и в трансформации его экономической роли. Натуральная продукция, получаемая храмами в результате перераспределения, шла на удовлетворение нужд и потребностей жречества. Вероятно, аналогичным образом использовалась и та часть урожаев, отчуждаемая храмами у непосредственных производителей, которые обрабатывали земельные наделы на формально храмовой земле. В такой ситуации храм имел весьма ограниченные возможности для активной экономической деятельности, для выхода на рынок. Рынок как явление существовал в восточных обществах, но товарно-денежные отношения на протяжении длительного развития не могли динамично развиваться, что было связано с незначительным числом акторов. Важнейшими акторами были само государство, социальный слой купцов и постепенно в число участников рынка вошел храм.

Процесс втягивания древневосточного храма в рыночные отношения оказался длительным. Медленные темпы были связаны со спецификой развития денежных отношений в ре-дистрибутивной экономике. Храм, который пребывал в состоянии зависимости от светской власти и получал именно от царя большую часть продукта, имел ограниченные возможности для выхода на рынок. Этому препятствовало отсутствие свободных денежных средств потому, что большая часть доходов храм получал в натуральной форме. В подобной ситуации храмовая проституция была одним из немногочисленных источников получения доходов не в натуральной, а в денежной форме. Развитие храмовой проституции привело к коммутации веры, ее трансформации из чисто религиозного чувства в экономическую деятельность.

Анализируя феномен храмовой проституции, необходимо избежать излишней модернизации этого явления. Храмовая проституция не стала восточной формой первоначального накопления, но содействовала развитию проторыночных отношений. Важнейшими барьерами на пути развития элементов рынка в древневосточных обществах стали политический деспотизм, гипертрофированная роль государства, доминирование дистрибутивной экономики. Поэтому развитые торговые связи восточных обществ функционировали в условиях доминирования традиционных экономических институтов. Среди таких традиционных институтов был восточный базар, который не трансформировался в рынок. Базар, как и восточная деспотия в целом, играл функции перераспределения, а получение дохода и прибыли было второстепенным фактором. Доходы храмов от храмовой проституции были не столь значительными, чтобы внести радикальные изменения в экономическую динамику.

Проанализированные особенности древневосточных экономик вовсе не означали отсутствия проторыночных элементов и отношений. Эти отношения не развились в достаточной степени, чтобы стать доминирующими. Они существовали в латентной форме. Среди таких проторыночных явлений пребывала и храмовая проституция, которая постепенно трансформировалась в преимущественно религиозный институт, утратив свое экономическое значение. Древневосточный храм не превратился в римский бордель. Адаптационные потенции восточного общества были не столь значительными, а храмовая проституция (наряду с другими явлениями экономической жизни) не оказалась среди тех факторов, которые в регионе Средиземноморья – зоне доминирования римского влияния – привели к появлению новых экономических отношений.

¹ Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / Г. Лихт / пер. с англ. В.В. Федорина, науч. ред. Д.О. Торшилов. – М., 1995.

² Дюпуи Е. Проституция в древности / Е. Дюпуи. – Кишинев, 1991.

³ Дюфур П. История проституции / П. Дюфур / пер. с франц. Л. Каневского. – М., 1999.

⁴ Дерягин Г.Б., Сидоров П.И., Соловьёв А.Г. Происхождение инцеста, сексуального насилия и проституции в Древнем Мире: мифология и свидетельства историков / Г.Б. Дерягин, П.И. Сидоров, А.Г. Соловьёв // Сексология и сексопатология. – 2003. – № 2. – С. 29 – 34. – (<http://www.sudmed-nsmu.narod.ru/articles/old.html>)

⁵ Дьяконов И.М. Люди города Ура / И.М. Дьяконов. – М., 1990.

⁶ Nanda S. The hijras of India. A preliminary report / S. Nanda // Medical Law. – 1984. – Vol. 3. – No 1. – P. 59 – 75; Nanda S. The hijras of India: cultural and individual dimensions of an institutionalized third gender role / S. Nanda // Journal of Homosexuality. – 1985. – Vol. 11. – No 3 – 4. – P. 35 – 54.

⁷ Dea Syria, 6

⁸ Дюфур П. История проституции. – С. 16.

⁹ Страбон, География / Страбон. – (<http://ancientrome.ru/antlitrr/strabo/index.htm>)

¹⁰ Геродот, История / Геродот. – (<http://bibliotekar.ru/rrG14.htm>)

¹¹ Дюпуи Е. Проституция в древности. – С. 24.

¹² Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption / M. Douglas, B. Isherwood. – L., 1979.

¹³ Васильев Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – М., 2001. – Т. 1. – С. 87.

¹⁴ Васильев Л.С. История Востока. – Т. 1. – С. 11.

¹⁵ Weber M. Economy and Society / M. Weber / eds. G. Roth, C. Wittich. – Berkeley, 1978.

СТАТЬИ

Виктор Сайчук

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЫНКА ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Рассмотрены методические особенности оценки влияния финансовой системы региона на функционирование рынка туристических услуг. Определены основные подходы к оценке среды функционирования рынка туристических услуг. Предложена методика территориального подхода к оценке влияния финансовой системы региона на функционирование рынка туристических услуг.

Ключевые слова: финансовая система региона, рынок туристических услуг, регион, типизация регионов.

Methodical peculiarities of the regional financial system impact on the functioning of the tourist market examined. The main approaches to environmental functioning of tourist market evaluation determined. The territorial approach method to the impact on the regional financial system of tourist market functioning estimation suggested.

Keywords: financial system of the region, market of tourism services, the region, typology of regions.

Розглянуто методичні особливості оцінки впливу фінансової системи регіону на функціонування ринку туристичних послуг. Визначені основні підходи до оцінки середовища функціонування ринку туристичних послуг. Запропонована методика територіального підходу до оцінки впливу фінансової системи регіону на функціонування ринку туристичних послуг.

Ключові слова: фінансова система регіону, ринок туристичних послуг, регіон, типізація регіонів.

Уровень жизни и благосостояние населения в значительной степени зависят от рационального использования имеющегося потенциала региона и эффективного функционирования рынка туристических услуг. Региональное исследование рынка туристических услуг предполагает научное обоснование рациональной территориальной организации его основных элементов с учетом влияния основных факторов и особенностей социально-экономического развития.

Туризм выступает весьма специфической сферой экономики, охватывает различные аспекты жизнедеятельности населения и способствует удовлетворению как экономических, так и социально-культурных потребностей людей. Основными задачами туристической деятельности является восстановление качественных показателей трудовых ресурсов и повышения благосостояния населения.

Рынок туристических услуг, как и любой другой вид рынка, включает систему отношений, связанных с куплей-продажей товаров и услуг. Рынок туристических услуг является составной частью рынка услуг и направлен на обеспечение потребностей населения в отдыхе.

Для более подробного изучения существующей ситуации на

рынке туристических услуг, создание базы для прогнозирования его развития и формирования государственной политики в сфере туризма, необходимо осуществить целостный анализ региональных особенностей среды функционирования рынка туристических услуг. Развитие рынка туристических услуг в значительной степени зависит от социально-экономического положения и уровня развития финансовой системы региона, экономической активности его жителей.

Среда функционирования рынка туристических услуг включает следующие компоненты: 1) природная среда; 2) социально-экономическая среда, 3) финансовая система; 4) инфраструктура; 5) система расселения населения (рис. 1).

Рис. 1. Структура среды функционирования рынка туристических услуг

Оценка факторов функционирования рынка туристических услуг должна осуществляться в соответствии с разработанной научно обоснованной методикой и с учетом специфических особенностей социально-экономического развития региона.

Экономический и экономико-географический подходы к анализу финансового положения регионов может имеет три ракурса регионально анализа: финансовая самостоятельность в принятии решений, социальная ориентированность расходов местных бюджетов и «территориальная справедливость» региональных бюджетных систем [2, с.

84].

Предложенная нами методика базируется на системном подходе к объекту исследования и комплексном изучении влияния отдельных факторов на современный и перспективное состояние развития рынка туристических услуг.

Показатели, характеризующие влияние общественно-географических и социально-экономических факторов на функционирование рынка туристических услуг, можно разделить на:

- абсолютные (указывают на количественные особенности развития рынка туристических услуг) и относительные (указывают на количественные соотношения между отдельными показателями);
- количественные и качественные (указывают на результаты воздействия факторов, специфику рынка туристических услуг или его элементов и помогают оценить количественные показатели);
- прогнозные (плановые) и отчетные (фактические);
- общие или сквозные (охватывают все стороны развития рынка туристических услуг) и специальные (касаются отдельных уровней или сегментов рынка туристических услуг);
- основные (обобщают основные процессы и явления на региональном уровне) и дополнительные (характеризующие отдельные аспекты развития рынка туристических услуг).

Источниками получения данных показателей являются: 1) государственные статистические данные; 2) административные данные местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления; 3) отчеты и обобщенные материалы предприятий, учреждений, организаций региона; 4) индикативные показатели государственных программ, обобщенные материалы научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов», результаты обследований и социологических опросов, другие данные.

Для обработки полученных показателей необходимо провести группирование факторов и сравнение их влияния.

Методика оценки среды функционирования рынка туристических услуг предусматривает расчет системы показателей и индикаторов, характеризующих влияние данных факторов на состояние рынка, и определения методов оценки факторов с учетом их пространственной дифференциации.

При региональном анализе среды функционирования рынка туристических услуг целесообразно использовать как экспертные, так и фактографические методы. Экспертные методы применяются при отсутствии достоверных данных, невозможности их получить и при необходимости получить информацию об отношении населения к опре-

деленным событиям или явлениям. При наличии достаточного количества достоверной информации применяются фактографические методы.

Важными методами оценки качественных показателей влияния среды функционирования рынка туристических услуг, является факторный и кластерный анализы. Следует отметить, что результаты группировки регионов с помощью кластерного анализа следует проверять (уточнять) с помощью других методов группировки, в частности, рангового и индексного.

Исследования и прогнозирования финансовой системы региона, как составной части среды функционирования рынка туристических услуг, следует проводить с использованием трех групп методов:

1) методы информационного обеспечения, в частности, метод опроса и наблюдения (для получения необходимой информации о состоянии функционирования финансовой системы региона и ее влияние на развитие рынка туристических услуг);

2) методы исследования территориальных особенностей развития финансовой системы региона, в частности, методы классификации, группировки и относительных величин (для оценки влияния финансовой системы региона функционирования рынка туристических услуг), научной систематизации (для обобщения и систематизации понятийно-терминологического аппарата), структурного анализа и синтеза (для обобщения выявленных тенденций и особенностей функционирования финансовой системы региона), статистические методы и специальные методы статистического анализа (для обработки статистической информации), картографического (для оценки пространственных различий и зависимостей);

3) методы прогнозирования, разработки рекомендаций и обоснование мероприятий регионального программирования развития финансовой системы, в частности, экспертные и фактографические методы моделирования и прогнозирования (для обоснования оптимальных путей дальнейшего развития финансовой системы региона как составной среды функционирования рынка туристических услуг).

Территориальный (пространственный) подход к оценке среды формирования и развития рынка туристических услуг предполагает обобщение специфических особенностей формирования, воспроизводства, использования, распределения (перераспределения) и управления туристическим потенциалом региона.

Типизация регионов проводится отдельно по каждой группе факторов по результатам группирований, проведенных с помощью кластерного анализа. Сущность кластерного анализа заключается в объе-

динении регионов с подобным проявлением факторов в кластеры. «Критерием их объединения является минимум расстояния (обычно евклидового) в многомерном пространстве выбранных индикаторов» [3, с. 181]. Уточнение группирования регионов производится с помощью рангового и индексного методов, которые заключаются в определении места каждого из регионов в по значениям выбранных показателей.

Проведение типизации регионов по влиянию финансовой системы на функционирование рынка туристических услуг производится в следующей последовательности:

1. Выбор и обработки показателей:

- подбор экспертным методом ряду показателей в разрезе регионов, характеризующих отдельные аспекты влияния финансовой системы на функционирование рынка туристических услуг;

- нормализация отобранных показателей путем определения соотношения между «лучшими» (учитывая влияние на функционирование рынка туристических услуг) и «худшими» их значениями, расчет индексов для проведения кластерного анализа (разницу между значением показателя в каждом регионе и его «худшим» значением следует разделить на разницу между «лучшим» и «худшим» значением данного показателя по регионам);

- расчет суммарных рангов (места регионов по значению показателей от «лучшего» к «худшему») и индексов (рассчитанных относительно худшего значения каждого из показателей) групп показателей по регионам.

2. Группировка регионов с помощью кластерного анализа, рангового и индексного методов:

- определение оптимального количества групп (кластеров) регионов путем экспертной оценки;

- проведение кластерного анализа и группировки регионов с помощью программного обеспечения «STATISTIKA»;

- уточнение групп регионов ранговым и индексным методами.

3. Типизация регионов по суммарному проявлению влияния финансовой системы функционирования рынка туристических услуг:

- определение количества возможных типов регионов и критериев их выделения;

- выделение типов регионов;

- интерпретация и описание полученных типов регионов, определения их существенных особенностей.

По особенностям влияния финансовой системы на функционирование рынка туристических услуг можно выделить следующие типы

регионов:

- 1) регионы с наиболее благоприятным влиянием финансовой системы на функционирование рынка туристических услуг;
- 2) регионы с благоприятным влиянием факторов на функционирование рынка туристических услуг;
- 3) регионы со сравнительно благоприятным влиянием факторов на функционирование рынка туристических услуг;
- 4) регионы со сравнительно неблагоприятным воздействием факторов на функционирование рынка туристических услуг;
- 5) регионы с неблагоприятным воздействием факторов на функционирование рынка туристических услуг;
- б) регионы с критическим влиянием факторов на функционирование рынка туристических услуг.

Данный подход может быть использован и при типизации регионов по другим составляющим среды функционирования рынка туристических услуг.

Функционирование и развитие рынка туристических услуг происходит под влиянием ряда факторов, которые действуют взаимосвязано. Для интегральной оценки влияния совокупности факторов целесообразно использовать факторный анализ, позволяющий определить наиболее существенные факторы развития рынка туристических услуг, провести их группирование и определить место финансовой системы среди других факторов.

Проведение факторного анализа дает возможность объединить определенные показатели в определенные группы (по общности воздействия на объект исследования), сократить количество показателей и провести их классификацию. Таким образом, производится ранжирование показателей по степени влияния на объект исследования путем расчета факторных нагрузок (коэффициентов корреляции). Данный метод базируется на предположении, что показатели, описывающие функционирование объекта исследования, можно заменить на меньшее количество факторов.

Анализ факторов формирования и развития рынка туристических услуг с помощью факторного анализа осуществляется в следующем порядке:

1. Подбор и обработки исходных показателей:

- подбор экспертным методом значительного количества однородных показателей в разрезе регионов, которые могут повлиять на формирование и развитие рынка туристических услуг;
- определение степени влияния данных показателей на показатели развития рынка туристических услуг, путем расчета коэффициен-

тов корреляции (отбираются показатели с коэффициентом корреляции более 0,4-0,5);

- отсеивание показателей с «псевдокорреляционными» связями, возникновения данных связей в значительной степени обусловлено общей зависимостью исследуемых показателей с другими (несущественными) показателями (зависимостями).

2. Определение оптимального количества факторов путем расчета абсолютных, относительных и кумулятивных значений дисперсии и построения графика дисперсии:

- определение количества факторов по критерию Кайзера (абсолютное значение дисперсии превышает 1), по проценту кумулятивной дисперсии (кумулятивный процент превышает 75%) и по критерию «каменистой осыпи» Кеттеля (путем визуального отсеивания «факторальной осыпи» на графике дисперсии);

- выбор наиболее оптимального количества факторов экспертным методом с учетом выше указанных критериев (возможна проверка «правильности» выбранного количества факторов путем эксперимента).

3. Обращение осей координат с помощью варимаксного способа обращения:

- расчет факторных нагрузок (для представления каждого показателя в виде функции) и построение таблицы факторных нагрузок;

- группирование показателей в факторы по показателям факторных нагрузок (при незначительной разнице в факторных нагрузках возможно использование экспертного метода для отнесения отдельных показателей к тому или иному фактору);

- отсев статистически незначительных и случайных показателей с факторными нагрузками меньше 0,6-0,7 (в отдельных случаях – менее 0,5);

- отбор 2-х или 3-х влиятельных (с наибольшей долей общей дисперсии) факторов и их представление в графике факторных нагрузок.

4. Интерпретация определенных факторов:

- определение наиболее существенных особенностей каждого из полученных факторов, их обоснования и наименования;

- определение степени влияния полученных факторов на уровень развития рынка туристических услуг и ранжирование факторов по их значимости.

5. Оценка территориальной дифференциации влияния определенных факторов:

- расчет факторных весов путем умножения исходных показате-

лей на факторные нагрузки для относительной оценки территориальной специфики проявления данных факторов;

- группирование (классификация) регионов по особенностям распределения влиятельных факторов (за факторными весами) по каждому фактору в отдельности и за двумя самыми влиятельными факторами;

- картографирование особенностей территориальной дифференциации влияния факторов развития рынка туристических услуг.

6. Полученные результаты используются в дальнейшем при прогнозировании развития рынка туристических услуг и реализации государственной политики в сфере туризма:

- определение особенностей и основных тенденций территориальной дифференциации факторов развития рынка туристических услуг;

- учет существующих тенденций и принятых мер при разработке прогнозных и индикативных показателей;

- учет полученных результатов при разработке региональных программ и других прогнозных документов.

Основные группы показателей, характеризующих уровень развития финансовой системы, и которые могут быть использованы в интегральной оценке факторов функционирования рынка туристических услуг (определены экспертным методом с учетом принципа статистической доступности):

- 1) показатели, характеризующие доходы и расходы местных бюджетов региона;

- 2) балансы предприятий по видам экономической деятельности;

- 3) оборотные активы по видам экономической деятельности и их структура;

- 4) рентабельность операционной деятельности и убыточность предприятий;

- 5) финансовые результаты от обычной деятельности до налогообложения;

- 6) дебиторская и кредиторская задолженность в разрезе административно-территориальных единиц региона;

- 7) требования банков по кредитам, предоставленным в экономику региона, другие группы показателей.

Эффективность использования туристического потенциала региона в значительной степени зависит от достижения оптимума в размещении производительных сил и формировании стабильного рынка туристических услуг, что возможно при выполнении функций государственного регулирования процессов подготовки, распределения и

использования туристических ресурсов. Наибольший эффект можно достичь при сочетании рыночного и государственного регулирования рынка туристических услуг, особенно на региональном уровне.

Основными источниками финансирования мер регулирования рынка туристических услуг на региональном уровне должны быть средства местных бюджетов и внебюджетных фондов, средства предприятий, организаций и отдельных граждан, а также другие внебюджетные и привлеченные средства.

На региональном уровне необходима согласованность методов регулирования рынка туристических услуг с методами регулирования финансовой системы региона, что возможно при условиях:

- обеспечения социально-экономической и финансовой самостоятельности регионов;
- комплексного развития территории;
- сочетания экономических и административных методов регулирования;
- использования потенциальных возможностей региона, в том числе и управленческого потенциала;
- прогнозирования и планирования развития рынка туристических услуг, в частности путем разработки и выполнения региональных программ.

Механизм государственного регулирования рынка туристических услуг путем воздействия на финансовую систему включает методы, принципы и инструменты государственного управления. Важными составляющими государственного регулирования рынка туристических услуг является региональное прогнозирование и программирование рынка туристических услуг.

Библиографический список

1. Буткалюк К. О. Географічні проблеми розвитку продуктивних сил України / К. О. Буткалюк // Географічні проблеми розвитку продуктивних сил України : матеріали IV Всеукраїнської наукової конференції, 16–17 травня 2007 року. – К., 2007 – С. 85–86.
2. Куликов Г. К. Финансовое положение муниципальных образований России: факторы и региональные особенности / Г. К. Куликов // Региональные исследования : научный журнал. – 2011. – № 2 (32). – С. 84 – 92.
3. Мезенцев К. В. Суспільно-географічне прогнозування регіонального розвитку / К. В. Мезенцев. – Київ, 2005. – 253 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Максим КИРЧАНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И СТАТИКА В ДОИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Экономики не развиваются статично. История цивилизации – это история переходов от одних экономических форм к другим. Попытки написать истории экономических транзитов как исключительно переходов от социализма к капитализму содействуют примитивизации экономической науки. Переходные процессы имели место и в истории экономик прошлого. Традиционные общества доиндустриального мира нередко воображаются как статичные экономические системы. Экономическая динамика была характерна и для традиционных неевропейских обществ. Экономические изменения в традиционных обществах не имели системного характера, но они содействовали накоплению новых элементов и генезису изменений.

Ключевые слова: история экономики, традиция, традиционные общества, доиндустриальные экономики, незападные модели развития

Economies do not develop static. History of civilization is history of transitions from one economic forms to others. The attempts to write histories of economic transits as exceptionally transitions from socialism to the capitalism assists to general primitivization of economic science. Transitional processes took place in economies of the past. Traditional societies of pre-industrial world are often imagined as static economic systems. The economic dynamics was characteristic for traditional non-European societies also. The economic changes in traditional societies did not have system character, but they assisted to accumulation of new elements and genesis of changes.

Keywords: history of economy, tradition, traditional societies, pre-industrial economies, non-Western models of development

Економіки не розвиваються статично. Історія цивілізації – це історія переходів від одних економічних форм до інших. Спроби написання історії економічного транзиту як виключно переходів від соціалізму до капіталізму сприяють примітивізації економічної думки. Перехідні процеси мали місце і в історії економік минулого. Традиційні суспільства доіндустріального світу нерідко уявляються як статичні економічні системи. Економічна динаміка була характерна і для традиційних неєвропейських суспільств. Економічні зміни в традиційних суспільствах не мали системного характеру, але вони сприяли накопиченню нових елементів і генезису змін.

Ключові слова: історія економіки, традиція, традиційні суспільства, доіндустріальні економіки, незахідні моделі розвитку

Анализируя переходные экономики, в том числе – и процессы формирования рынка, во внимание следует принимать и те стартовые условия, в которых эти перемены начинались. Не следует сводить переходные экономики исключительно к формирующимся рынкам. Формирующиеся и развивающиеся рынки, как уже отмечалось выше, лишь частный, новейший и самым тщательным образом зафиксированный и задокументированный экономический переход. Западные экономисты трактуют экономические переходы в широком значении этого понятия. В отечественной (российской), а также в ряде национальных историографий в советский период при изучении восточных

обществ доминировала советская версия марксизма¹, сторонники которой упрощенно интерпретировали противоречивые процессы восточных обществ с ортодоксальных социально-экономических позиций (хотя имели место и исключения²), а их терминологический инструментарий варьировался от определений обществ Древнего Востока в рамках формационной теории как рабовладельческих до отнесения последних к особому «азиатскому способу производства»³, под которым, как правило, понимают строй, в рамках которого не получает развития частная собственность на средства производства, в первую очередь – на землю; нет класса эксплуататоров-собственников, но существуют общины, владеющие землей и эксплуатируемые со стороны государства⁴.

В новейшей российской историографии предлагаются несколько иные интерпретации, которые порой характеризуются не меньшей ортодоксальностью чем концепции, доминировавшие в советский период. В частности, некоторые авторы (в частности, Ю.Б. Циркин⁵) склонны позиционировать экономики древности как в значительной степени гетерогенные, разнообразные и отличные друг от друга. В подобной ситуации экономическая история Древнего мира и Античности – период сосуществования в различной степени традиционных экономик, в которых рабство и прочие традиционные институты играли не везде одинаково значимые роли. На противоположном методологическом полюсе находится Л.С. Васильев (который солидарен с некоторыми зарубежными исследователями, в частности – с Ч. Спенсером⁶, подчеркивающим особую роль раннего государства в «политической экономии», основанной на централизации и принудительной редистрибуции), категорически констатирует, что «реальная структура всех традиционных обществ Востока принципиального никогда и нигде не изменялась. Эта структура всегда и везде была связана с властью-собственностью и централизованной редистрибуцией»⁷. Подробная интерпретация, фактически развивающая попытку советского историка В.Н. Никифорова рассматривать древневосточные социумы как синтез «феодального и рабовладельческого начал»⁸, в определенной степени является компромиссной, сочетая в себе элементы различных подходов к определению природы древних, в первую очередь – восточных, обществ.

Некоторые институты и отношения, характерные для доклассового в советской интерпретации⁹ или традиционного общества (вне зависимости от географического фактора, от Европы до Азии¹⁰, а также на территории Северной Америки¹¹) в современном понимании, действительно оказались чрезвычайно устойчивыми и адаптивными к

внешним вызовам. Подобная устойчивость имела место несмотря на то, что некоторые традиционные группы вступали в контакты с носителями современной традиции, представителями которой в Азии могли быть русские, а в Америке – другие европейцы. Общества индейцев Северной Америки к моменту прихода европейцев существовали как преимущественно традиционные, но в некоторых из них уже начались социальные и экономические трансформации, связанные с выделением частной собственности и формированием проторыночных отношений. Окончательная трансформация этих обществ не состоялась в силу, как доминирования натурального хозяйства, так и прихода европейцев, которые насильственно прервали процесс естественного развития индейских сообществ.

Для зарубежных школ в изучении традиционных обществ характерны другие крайности. Нередко экономические перемены и трансформации западными экономистами ассоциируются с кризисом традиционного общества и связанной с ним традиционной экономики¹², хотя о подобных обществах как о традиционных писали и советские исследователи. В частности В.П. Илюшечкин полагал, что рабовладение и феодализм «в действительности составляли одну подсистему»¹³, что, вероятно, можно рассматривать как советскую версию теории традиционного общества. Среди сторонников подобного подхода был и один из ведущих экономистов XX века Джон Хикс, который подчеркивал актуальность изучения «исходных состояний», характерных, например, для «экономики неолитической общины или деревни раннего средневековья»¹⁴. Нередко в качестве главного предшественника эпохи экономических трансформаций в научной литературе фигурирует традиционное общество. По мнению Дж. Хикса, традиционное общество не совсем статично, оно развивается ради «достижения равновесия», после чего «без каких-либо реорганизаций может существовать многие столетия»¹⁵.

Проблемы отмирания и разложения традиционного общества на территории Большой Европы относятся к числу дискуссионных. Проблема отягощается и тем, что в распоряжении историков не так много сведений, которые касались бы истории Древней Европы до прихода индоевропейцев. Тем не менее, следует предполагать, что и Древняя Европа и Европа после ее заселения носителями индоевропейских языков на протяжении длительного времени пребывала в состоянии доминирования традиционного общества и традиционной, статичной, медленно подверженной изменениям экономики. Американская литовская исследовательница Мария Гимбутас полагала, что для доиндоевропейской Европы был характерен «стабильный экономический

уклад»¹⁶. Грузинский историк К.Н. Пицхелаури указывал на экономическую слабость раннего земледелия, значительный уровень зависимости от внешних факторов и преимущественно натуральный характер экономики¹⁷ носителей картвельских языков Закавказья в позднем бронзовом веке. Подобная экономика, которая нередко базировалась на поливном земледелии¹⁸, могла носить примитивный, исключительно натуральный характер. Если рассматривать население Древней Европы как картвельское (изолированный язык басков в Испании не относится к индоевропейской семье и, как полагают, некоторые исследователи имеет родственные связи с картвельскими языками), то экономический уровень региона, вероятно, немногим отличался от Закавказья.

Проблеме стартовых условий, в которых начинаются экономические трансформации, особое внимание в своих исследованиях уделял и Е.Т. Гайдар. Отправной точкой в развитии человеческой цивилизации, как полагал Е. Гайдар, было традиционное аграрное общество. Традиционное общество характеризуется значительной устойчивостью¹⁹, способностью существовать практически без видимых изменений, ограниченностью круга применяемых ресурсов²⁰. С другой стороны, генезис новых отношений, в том числе – и экономических, не был однолинейным, но, наоборот, являлся многовариантным²¹. В современной российской экономической науке подобные экономические системы древности (и частично средневековья) нередко оцениваются как «командно-направляемые»²², хотя экономика в их рамках могла развиваться как гетерогенная, имея городской²³ и аграрный уровень, а ее акторы подвергаться различным формам эксплуатации – от простого изъятия части прибавочного продукта и его принудительного перераспределения до применения рентных / налоговых²⁴ форм отчуждения. Функции первого могли сводиться почти к исключительно политический и принудительной редистрибуции в то время, как роль аграрной периферии была исключительно вспомогательной и обслуживающей.

Подобная система в прошлом могла иметь универсальный характер, развиваясь как в восточных, так и в значительной степени географически отдаленных от них обществ Мезоамерики²⁵. Такие социумы знали торговлю, но последняя, в силу доминирования аграрной экономики²⁶, редко была экономически мотивированной, развиваясь как традиционный обмен между различными регионами. В системном плане общества Мезоамерики были основаны на доминировании натурального хозяйства и местных вариациях деспотической формы организации власти и принудительной редистрибуции. Тем не менее, не

следует чрезмерно упрощать подобные социумы²⁷, хотя в советской историографии могли доминировать и ортодоксальные интерпретации, которые сводили общества Востока к исключительно рабовладельческим со значительным элементом коллективизма²⁸. В классическом виде аргументация сторонников восприятия древневосточных обществ как рабовладельческих была представлена в 1960 – 1970-х годах Н.И. Конрадом, полагавшим, что «существование рабовладельческой формации – непреложный факт»²⁹, и В.Н. Никифоровым³⁰, по мнению которого рабовладельческий строй был универсальным этапом в истории цивилизации, а экономические отношения играли определяющую роль в историческом процессе.

На современном этапе большинство исследователей были вынуждены от столь ортодоксальной и в значительной степени идеологически выверенной интерпретации отказаться, хотя еще в 1970 – 1980-е годы грузинский историк Г.В. Кораношвили пытался доказать, что «оставаясь на позиции плоского эволюционистского представления исторического процесса или же упрощенного понимания диалектики общественного развития, объяснить сложный ход истории невозможно»³¹. В 1990 – 2000-е годы восточные общества начали нередко восприниматься как традиционные или доиндустриальные, что, впрочем, чревато другими крайностями. Традиционное общество, в независимости от региона³², может отличаться и значительной степенью гетерогенности, быть чрезвычайно фрагментированным в плане социально-экономических отношений и связей. Доминирование традиционности вовсе не означает отсутствия тех или иных государственных структур или, по меньшей мере, начала процесса их возникновения. Тем не менее, значительная часть авторов склонна подчеркивать не только традиционный, но порой и примитивный характер подобных обществ.

Немецкий исследователь Хайко Шрадер и вовсе в качестве основной и системообразующей характеристики такого общества позиционирует «отсутствие рынка»³³. Аналогичной точки зрения придерживался и советский востоковед И.М. Дьяконов³⁴, который в конце 1940-х годов высказал мнение о том, что общество Древнего Востока, например – ассирийское, могло быть преимущественно «крестьянским, с использованием единичных рабов в более состоятельных хозяйствах, с развитой торговой прослойкой»³⁵. Более поздние отечественные исследователи, интерпретируя проблемы развития восточных экономик древности, могли позволить иные, более пространственные интерпретации, которые отражали и предположение о существовании собственности, хотя и их советские предшественники наличия по-

следней не отрицали, но не были, в отличие, например, от американских историков³⁶, склонны видеть именно в ней системообразующий элемент экономики. В конце 1980-х годов Ю.В. Павленко осторожно указывал на «некоторое развитие частнособственнических отношений»³⁷. В синтезированной, трехтомной версии истории Древнего Мира, изданной в 1983 году³⁸, советские историки предпочитали в большей степени писать о государственной собственности и государстве как главном собственнике, обходя вниманием проблемы выделения частной собственности, не акцентируя внимание на неудобных собственнорыночных аспектах развития Древнего Востока.

Известный российский востоковед Л.С. Васильев указывает, что в ранних восточных обществах не получили развитие принципы частной собственности³⁹ (которые возникли позднее), что придавало подобным группам значительную устойчивость и стабильность. Позднее эти элементы появились (о чем, например, свидетельствуют данные хозяйства делового дома Эгиби в Вавилоне, датируемые 555 – 522 годами до н.э.⁴⁰ или документы, касающиеся поселения Иддин-Мардук в период 560 – 550-х годов до н.э.⁴¹), но ростовщичество не получило развития, не вылилось в период первоначального накопления капитала в силу сохранения деспотии, распределительных тенденций в экономике, ограниченности ресурсов, сохранения традиционных вертикальных социальных связей (по принципу раб – господин, даже несмотря на то, что первые под контролем вторых могли совершать экономические операции) и доминировании преимущественно натурального хозяйства.

На более поздних этапах древней истории, отмеченных постепенным размыванием границ между античной и восточной экономической моделями, синтезом присущих им элементов⁴², развитие таких экономических институтов как денежное обращение влияло не только на ослабление традиционной составляющей в экономике, но и содействовало фрагментации целого ряда государств (Парфия⁴³, Пергам⁴⁴, Вифиния⁴⁵, Понтийское царство⁴⁶, эллинистические страны⁴⁷ и т.д.), хотя тенденции к их распаду сопровождались определенным экономическим оживлением, точнее – экономическими трансформациями, связанными с ростом значения частной собственности, финансовой активности и экономической инициативы, активизацией городов в качестве экономических акторов и центров торговли.

С другой стороны, история неевропейских обществ (например, Дагестана⁴⁸) знала случаи деградации городской экономики, ее упадка, постепенной рурализации в результате чего город утрачивал универсальные экономические функции и на смену ему приходили более

традиционные институты, например – община. Поэтому наличие развитых торговых связей не всегда означает существования рыночных или проторыночных отношений. Комментируя специфику торговли, Карл Поланьи подчеркивал, что в ряде регионов она «могла не опираться на рынки», но, наоборот, возникала «из односторонних и не всегда мирных актов присвоения определенных предметов»⁴⁹. Подобная функция городов не была универсальной: в частности, в некоторых провинциях Римской империи экономическая функция города была ориентирована на аграрную периферию, а сам полис «не мог не быть крупным центром сельскохозяйственного производства»⁵⁰.

Активное развитие собственности имело место в эллинистический период, что связано с выделением института собственности царя⁵¹. Эллинизм был ознаменован значительной экономизацией обществ древности. Этот процесс не мог привести, вместе с тем, к радикальным изменениям, в том числе, и в структуре экономических акторов. Большинство акторов были по-прежнему традиционны, т.е. ведущие позиции в экономической деятельности занимали акторы-мужчины в то время как женщины⁵² попадали на источники почти исключительно как объект, а не субъект экономической активности. Активизация экономической компоненты нередко имела односторонний характер и сводилась к ускоренному развитию торговли и финансово-кредитных отношений⁵³, что содействовало, в свою очередь, появлению диспропорций в преимущественно традиционных экономических системах, основанных на натуральном хозяйстве и использовании труда рабов, что не создавало условий для актуализации проторыночных отношений. Этот процесс можно интерпретировать в категориях синтеза античного и восточного отношений к собственности, переноса восточных моделей управления последней на античную почву или же реставрации первоначального восточного отношения к земельной собственности в виде появления крупных царских или храмовых хозяйств.

Советские историки были склонны находить различные формы феодализма и институт частной собственности в истории Древнего Востока, античности⁵⁴, стран Азии⁵⁵, средневекового Востока (выделяя ее в результате «распада государственной собственности»⁵⁶), а также национальных регионов СССР, в частности – в Дагестане⁵⁷. Ситуация осложнялась тем, что отношения собственности на Северном Кавказе в большей степени оказались интегрированы в систему традиционных институтов и ценностей, и поэтому не имели экономических оснований. Традиционный характер поземельных отношений в большей степени усиливался и благодаря доминированию натураль-

ного хозяйства. Частная собственность горских племен не могла приобрести экономическое измерение и в силу определенной изоляции, неразвитости экономических институтов, в первую очередь – обмена. Экономическая функция в подобных обществах была актуализирована гораздо позже, чем в обществах Средневековья и тем более Древнего Востока. Частная собственность на Северном Кавказе обрела экономическое измерение только после включения этого региона в состав более развитой Российской Империи, которая принудительно принесла в сугубо традиционные регионы рыночные институты.

Натуральное хозяйство оказывалось очень зависимым от природного фактора, что могло приводить к ситуации голода. В связи с этим американский социолог П. Сорокин⁵⁸ полагал, что в экономике древневосточных обществ доминировал «развитый принудительный этатизм» в «сфере экономико-продовольственных отношений»⁵⁹. Именно столь значительная роль этатизма дает возможность некоторым авторам интерпретировать общества Востока как построенные и основанные на доминировании вертикальных связей, что превращает их в перераспределительные. Российскими авторами признается и то, что подобная модель не была исторической случайностью, а являлась «достаточно жизнеспособной системой»⁶⁰. Некоторые российские экономисты менее радикальны в своих выводах относительно государственного участия в истории экономики: Г.К. Широков, например, отмечает, что еще в Древнем Египте и Шумере государство лишь «выполняло определенные экономические функции»⁶¹.

Если принимать восточные и азиатские государства древности и средневековья (по крайней мере, их большинство) как основного актора экономики и рассматривать его в качестве редистрибутивных (что, в частности, характерно для западной экономической историографии, например – для работ В. Дэвиссона и Дж. Харпера, склонных интерпретировать некоторые экономики Древнего мира, в том числе и греческую, как статус-дистрибутивную⁶²), то есть распределительных структур, то оправданным покажется и замечание советских историков первой половины 1980-х годов, которые полагали, что в обществах Древнего Востока «экономическая эксплуатация была исключением, а не правилом»⁶³. Именно поэтому такие общества нередко интерпретируются как общества, основанные на преобладающем использовании рабского труда и доминировании натурального хозяйства. Под последним можно понимать «отдельное хозяйство с замкнутым снабжением и отсутствием экономических меновых отношений»⁶⁴, появление которых маловероятно в преимущественно централизованном и регламентированном сообществе, в рамках которого доминируют

именно традиционные институты, а проторыночные отношения пребывают в зачаточном, латентном состоянии.

Анализируя восприятие феномена Древнего Востока в советской историографии, во внимание следует принимать и эпизодически имевшие место попытки ревизии ортодоксальной схемы описания истории древневосточных обществ и экономик, предложенных в 1930-е годы. Центральной идеей в условно ревизионистских концепциях был тезис, который сводился к признанию особой, почти системообразующей роли, которую играло рабство⁶⁵ в функционировании экономики социума Древнего Востока. Роль рабства была велика, но порой не играла определяющего значения, а рабство могло в некоторой степени содействовать развитию денежных отношений, так как рабы, например – в Древнем Египте⁶⁶, могли выступать в качестве объектов купли – продажи. В 1980-е годы некоторые представители советского научного сообщества⁶⁷ предприняли попытку описать общества Древнего Востока как гетерогенные, основанные на использовании труда различных категорий населения. Эти попытки, однако, были не в состоянии поколебать силу официального доминирующего дискурса, основанного на ортодоксальном выделении в древневосточных обществах класса рабов и рабовладельцев.

С другой стороны, вероятно, не следует абсолютизировать роль рабства⁶⁸ как системообразующего фактора в обществах Древнего и Средневекового Востока. В советских общественных науках концепт «рабство», начиная с 1930-х годов⁶⁹, был в значительной степени подвергнут идеологизации. Нобелевский лауреат по экономике (1998) Амартия Кумар Сен, комментируя идеологический уровень работы экономиста-исследователя, указывал на то, что «мы должны смотреть на реальные лишения, а не только на ментальную реакцию на них»⁷⁰. Советские исследователи, которые занимались Востоком, подобной возможности были лишены, но при этом никто не ограничивал их в идеологизации проблем использования принудительного труда в обществах древности. «Рабство» для наиболее ортодоксальной части советского научного сообщества стало своеобразным «символом веры»: в то время, как представители национальных историографий и некоторые оригинально мыслящие авторы в столицах предпочитали описывать общества Востока как чрезвычайно сложные и гетерогенные, их идейные оппоненты, которые фактически придерживались наиболее ортодоксальных интерпретаций прошлого, воображали древневосточный социум строго в пределах тех границ, которые казались им допустимыми для сохранения идеологической чистоты.

Для современной российской и в значительной степени советской историографии (которая была не столь монолитной, как могло бы показаться, но в некоторой степени подверженной дискуссиям⁷¹) характерно восприятие именно рабства в качестве системообразующего элемента типичного (если такое, конечно, существовало) древневосточного общества. При этом в национальных историографиях СССР⁷² и некоторыми русскими историками предпринимались робкие попытки поставить под сомнение характер древневосточных обществ как исключительно рабовладельческих⁷³, хотя в западной историографии имели место попытки интерпретировать древние общества в диапазоне от традиционных до феодальных⁷⁴.

Анализируя традиционные экономики, которые нередко могли базироваться на следовании традиции⁷⁵, аграрном фундаменте культуры и воспроизведении связанных с ней ритуально-обрядовых и частично экономически мотивированных обрядовых процедур, а также на неэкономических, преимущественно – традиционных, институтах⁷⁶, во внимание следует принимать то, что они не были гомогенными. В связи с этим французский историк Фернан Бродель полагал, что «наиболее существенной чертой доиндустриальной экономики» было одновременное «сосуществование жесткого и неподвижного тяжеловесного механизма примитивной экономики с локальным, ограниченным, но в то же время живым и мощным ростом современных экономических структур»⁷⁷. Несколько иное звучание эта идея обретает в работах отечественных историков, который, например, экономисту Шумера склонны определять как «земледельческо-скотоводческую с подчиненным положением ремесла и торговли»⁷⁸. В этом контексте экономики традиционных обществ могут быть интерпретированы не только как гетерогенные, но и многоукладные, которые отличались от современных многоукладных экономик не одновременным сосуществованием двух укладов, а одновременным функционированием доминирующего уклада с латентным существованием других, например, проторыночных институтов.

Советские историки столь вольных интерпретаций себе позволить не могли, хотя в советской историографии были возможны и исключения. В частности армянский историк Г.Х. Саркисян⁷⁹ находил элементы полисного строя в поздней Вавилонии, предполагая там и наличие раздач – своеобразного аналога государственных субсидий гражданам в древности, но рассматривая подобную практику, во внимание следует принимать, что она, вероятно, была практически лишена экономических оснований, будучи в большей степени связанной с доминировавшей на том этапе преимущественно религиозной культу-

рой. По мнению В.Н. Никифорова, неправомерно рассматривать древние общества как однозначно рабовладельческие или феодальные. В.Н. Никифоров полагал, что в основе значительной части обществ Древнего Востока (от Вавилона до Парфии⁸⁰) лежала полисная организация в виде отдельных общин, но и условно полисная теория в советской историографии была не более чем частной версией «большой» теории о рабовладении как доминирующей форме экономики.

Советские востоковеды признавали существование определенной прослойки свободного населения (что, правда, было предметом дискуссий⁸¹), существование которой плохо вписывалось в доминирующие концепции, хотя еще И.В. Сталин в «Вопросах ленинизма» фактически указывал на гетерогенный характер древних обществ, подчеркивая наличие в них «богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых, полноправных и бесправных»⁸² категорий населения. В такой ситуации исследования, посвященные месту свободного населения в экономиках Древнего и Средневекового Востока, были редки⁸³, хотя их авторы⁸⁴ констатировали гетерогенность как самого аграрного населения, так и тех экономических связей и отношений, которые существовали в его среде и в аграрной общине как коллективном экономическом акторе. Анализируя проблему наличия или отсутствия свободного населения в древневосточных обществах, некоторые их исследователи акцентировали внимание на том, что в странах региона в древности не было таких понятий как «свобода» и «свободный»⁸⁵.

С другой стороны, советские историки, например, занимавшиеся изучением Китая, признавали особую и значительную роль формально свободного⁸⁶, но вместе с тем и зависимого⁸⁷ населения, которое выступало в качестве экономического актора (в частности, в арендных отношениях; сделках, связанных с продажей или куплей земли), могло объединяться в корпорации по профессиональному признаку (например, аристократические кланы⁸⁸, купеческие группировки⁸⁹), что содействовало их постепенной трансформации в экономических акторов на социальном уровне и развитию товарно-денежных отношений в масштабах государственной организации в целом. В наибольшей степени эта экономическая компонента в деятельности свободного населения была характерна для группы, которая известна как хуацяо⁹⁰, деятельность которых содействовала не просто развитию денежно-кредитных отношений и торговых связей, но влияла на интеграцию средневековой китайской экономики в международный контекст. В советской исторической науке (особенно – в национальных историографиях, представители, например Дж.М. Шарашенидзе⁹¹, которых

ставили под сомнение системообразующую роль рабства в функционировании экономик древних обществ) имели место работы, которые касались свободных непосредственных производителей, но и их авторы были склонны описывать проблемы в контексте теории традиционного преимущественно аграрного общества, хотя этот термин фактически не использовался. В подобной ситуации экономическая компонента, связанная с развитием проторыночных отношений, пребывала за пределами внимания исследователей.

Особых успехов в полемике с российскими авторами и, как следствие, в размытии советского идеологически выверенного научного дискурса, достигли грузинские историки. В частности грузинский историк Г.В. Коранашвили не только считал некорректным «типологическое объединение» обществ Древнего Востока и Античности в «одну общественно-экономическую рабовладельческую формацию», но и полагал, что на Востоке «рабство оставалось незначительным экономическим и социальным фактором»⁹². Аналогичной точки зрения придерживался и Г.А. Меликишвили, полагавший, что трансформации восточных обществ «не вели к развитию собственности на людей»⁹³ и подчеркивающий, что значительная часть восточных обществ прошлого знала существование свободного населения, причем в некоторых регионах оно составляло «основную массу производителей»⁹⁴. С Г.А. Меликишвили⁹⁵ был солидарен и И.А. Стучевский, который и вовсе указывал на то, что «большинство стран Древнего Востока следует в формационном отношении относить к категории скорее феодальных, чем рабовладельческих»⁹⁶. Другой грузинский историк Дж.М. Шарашенидзе, анализируя роль «наемной силы» на протяжении 2132 – 2024 годов до н.э. пришел к выводу, что имело место ее значительное использование⁹⁷, основанное в большей степени на экономической мотивации⁹⁸. Проявлением последней, вероятно, следует признать и то, что работники государственных хозяйств получали продукт, который может быть определен в качестве вознаграждения, а не натурального рациона.

Элементы рыночных отношений констатируются и другими исследователями. Осетинский историк А. Чочиев, анализируя институт рабства у скифов и осетин, полагал, что использование труда рабов имело определенные экономические основания, будучи связанным с торговлей⁹⁹. Другие государства древности (например, Фракия и Колхида) также, как показала грузинская исследовательница М. Инадзе¹⁰⁰, не были основаны в экономическом отношении исключительно на труде рабов, но наоборот знали более широкий спектр преимущест-

венно традиционных отношений, связанных с сохранением племенного деления и чрезвычайно гетерогенной структурой общества.

Жители древневосточных обществ, которые не являлись рабами, получали за свою работу натуральные продукты, что все же указывает на незначительное развитие денежных отношений, хотя уровень развития и степень влияния последних является дискуссионным¹⁰¹. Вероятно, использование наемного труда в древних и средневековых обществах¹⁰² Востока носило временный, спорадический характер, а сами наемные работники (например, в Китае¹⁰³) сохраняли достаточно устойчивые связи с той аграрной территорией, конкретной общиной, выходцами из которой они могли являться. Тем не менее, оно имело определенное значение для трансформации преимущественно традиционных экономических отношений и генезиса проторыночных институтов. Кроме этого работорговля с тенденцией дальнейшего прикрепления рабов к земле, наличия тенденции к их постепенному слиянию с зависимым крестьянством указывало на размывание института рабства и втягивание в финансово-денежные отношения, хотя характер экономики продолжал оставаться преимущественно натуральным.

В подобной ситуации принципы принудительной, инициируемой и направляемой государством редистрибуции¹⁰⁴, вероятно, в такой же степени нормальны или точнее – естественны – как и отношения иного типа, основанные на доминировании рынка. Институт и различные формы принудительной редистрибуции на определенных этапах своего развития могли знать разные неевропейские регионы. При этом роль редистрибутивного начала в экономике не носила универсального характера. Ярким примером этой тенденции следует признать Японию, в истории которой имел место период рицурё¹⁰⁵, характеризующийся низким уровнем развития собственности¹⁰⁶, точнее – ее почти полным отсутствием, а также попыткой искусственной трансплантации китайской модели, основанной на отсутствии частной собственности, ведущей роли государства, принудительном перераспределении, а также ростом региональных диспропорций в развитии экономики.

Поэтому, некоторые неевропейские страны оказались в состоянии сформировать другие экономические системы, основанные не на перераспределении, в функционировании которых большую роль играли проторыночные отношения. Степень и формы проявления проторыночных элементов были крайне разнообразны в то время, как перераспределение носило, вероятно, универсальный характер и было отмечено как в семитских, так и в индоевропейских регионах, в частности в Ахеменидском Иране¹⁰⁷, где имели место случаи раздач (ини-

циатором которых было государство) как земель, так и рабов. Неразвитость экономической эксплуатации, экономического принуждения, в отличие от политического насилия, вероятно, может быть признано косвенным подтверждением того, что в восточных обществах элементы рынка (если они существовали) были латентны и значительного развития не получали. В целом, в рамках российской школы экономической истории нередко доминировала концепция, согласно которой общества классического Востока были не только традиционными социумами, но развивались именно как сложные и порой самовоспроизводящиеся системы, существование которых вовсе не исключало того, что в рамках их структур могли существовать и действовать некоторые элементы рынка.

Для зарубежных авторов характерно несколько отличное понимание общества Востока как именно традиционного, что не исключало признание в нем некоторых элементов рыночности. Дж. Хикс полагал, что в традиционных обществах мог существовать «командный элемент», который создал «большую или меньшую иерархичность»¹⁰⁸, которая, вместе с тем, не исключала и определенного социального и экономического разнообразия, связанного с тем, что основу древних обществ составляли возникшие в результате процесса первичной урбанизации¹⁰⁹ города. В связи с этим американский экономист Р. Кameron подчеркивает, что «характер экономики и общества определялся городскими институтами»¹¹⁰. Похожая точка зрения была характерна и для некоторых российских авторов. В частности, В.М. Массон подчеркивал, что именно город в древней истории играл «лидирующую роль в экономической истории»¹¹¹.

С другой стороны, города древности (например, Олинф, Приена¹¹²) не были городами в современном понимании, а, наоборот, сохраняли значительную связь с аграрной периферией, что было связано с предшествующим, протогородским¹¹³, этапом, характеризующимся доминированием исключительно традиционной модели экономики, которая была преимущественно, в зависимости от ситуации и конъюнктуры «среднесложной, сложной, суперсложной»¹¹⁴, но преимущественно аграрной. Существование городов как относительно самодостаточных экономических единиц постепенно содействовало фрагментации ранних государств, их трансформации в «сегментарные»¹¹⁵ сообщества, что содействовало усилению гетерогенного характера ранних государств, как в политической, так и в экономической сфере. Фактор урбанизации признается как российскими, так и зарубежными исследователями, но при этом некоторыми отечественными авторами высказывается точка зрения, что урбанизационные процессы в разви-

тии ранних экономик играли подчиненную роль, так как города не являлись самостоятельными акторами, будучи социально и экономически интегрированными в преимущественно аграрное пространство. В этом отношении последние были своеобразным центром (правда, без четкого выраженного ядра) в то время как города могли находиться на периферии как географически, так и экономически, так как основная тяжесть экономики приходилась именно на аграрный сектор.

Экономически город мог быть ориентирован на аграрные районы, в то время как последние также не могли нормально функционировать без города. В отношениях город – негород в Древнем мире (а также на более поздних этапах – в Средние Века и в Новое время), вероятно, наличествовали значительные диспропорции, связанные как с преимущественно натуральным характером экономики в целом, так и различным уровнем развития проторыночных институтов (денежное обращение) в городе и аграрной периферии. Это вело к развитию обмена, который, как правило, являлся неэквивалентным, о чем, в частности, писал и французский социолог Жак Велерс, полагавший, что на территории Ближнего Востока (например, в Сирии и Ливане) натуральный характер экономики доминировал и на протяжении первой половины XX века: «каждая деревушка, каждое хозяйство жило исключительно за счет своих запасов, не пытаясь что-либо продавать или покупать... все излишки деревни направлялись в город, который в обмен не давал ничего или давал очень мало»¹¹⁶, что могло быть связано с гетерогенным характером экономики, в которой «другие базы экономической организации»¹¹⁷, связанные с присваивающим хозяйством, сосуществовали с качественно новыми отношениями. Экономическая система, в рамках которой функционировал город на Востоке, могла оставаться преимущественно натуральной, связанной с аграрной экономикой, хотя именно город мог играть роль фактора перемен¹¹⁸. Город мог становиться источником социальных и вероятных экономических изменений и трансформаций. Российские авторы полагают, что в обществах прошлого город или даже протогород, квазигород (как «зачаточная форма города»¹¹⁹), возникший как следствие первичной урбанизации¹²⁰, стал не только «принципиально новым явлением», но он играл роль «центра управления и религиозного культа»¹²¹, хотя столь стремительный подъем города не означал невозможности дезурбанизации¹²², примеры которой имели место как в Древности, так и в Средневековье, что вело к изменениям экономических отношений в рамках очередной волны традиционализации и натурализации экономики.

Город в обществах Древнего и Средневекового Востока не был исключительно экономическим актором, являясь одновременно религиозным¹²³ и политическим центром, хотя некоторые авторы склонны указывать на то, что стимулом для развития городов стал рост храмового хозяйства¹²⁴, хотя храм не был единственным фактором в развитии экономики древневосточных обществ. По мнению ряда российских исследователей¹²⁵, на Востоке существовала не только храмовая земля, а диапазон экономических акторов в целом в редистрибутивной экономике не ограничивался только верховной властью и жречеством.

В других неевропейских регионах города имели более ярко выраженную экономическую функцию, порожденную, в том числе, и «длительным процессом разложения полиса»¹²⁶. Вероятно, экономизация восточного города, рост экономической составляющей в его существовании был связан с несколькими социальными процессами. С одной стороны, особую роль сыграло арабское завоевание, которое значительно изменило этническую структуру Востока. С другой, арабы принесли ислам как особую не только религиозную, но и социально-экономическую систему. Нельзя исключать, что и для ислама, как и для христианства, характерна определенная экономическая компонента, связанная с теми или иными формами экономической деятельности носителей религии. Несмотря на относительный рост экономической составляющей в поведении, вероятно, невозможно констатировать появление феномена «экономического человека» в восточных обществах. Экономический человек, по мнению российского экономиста В.С. Автономова¹²⁷, отличается рядом особенностей, а именно: пребывание в ситуации ограниченности ресурсов; выбор осуществляется, исходя из факторов предпочтения и ограничения; выбор является многовариативным; ведущую роль в выборе играют интересы; информация, которой владеет человек является ограниченной; выбор человека является рациональным. Человек восточных и азиатских древних и средневековых обществ всеми этими качествами не обладал, что было связано с ограниченностью именно экономической составляющей в функционировании подобных обществ, основанных на ведущей роли государства, занимавшихся принудительной, направляемой сверху редистрибуцией.

Экономические мотивы на Востоке, вероятно, имели подчиненное значение в отличие от политической целесообразности. Тем не менее, некоторые восточные и азиатские общества в своей исторической динамике демонстрировали растущую роль экономических мотивов. Особую экономическую роль играл средневековый город в

Японии. Развитие японских городов в советской историографии связывалось с «развитием производительных сил», дальнейшим появлением «торговой буржуазии», формированием «национального рынка» и условий для «развития капиталистических отношений»¹²⁸. Экономическая функция города в Японии¹²⁹, в отличие от других неевропейских регионов, была выражена в большей степени. Это может быть связано с тем, что процессы урбанизации и развития японского государства в рамках феодальной модели протекали практически одновременно.

Несколько иная интерпретация города представлена в работах японского историка Таёда Такэси, который полагал, что появление города связана с экономическим прорывом, производством избыточного продукта. Американский экономист Г. Норманн, комментируя процессы разложения феодализма в Японии и формирования на ее территории капитализма, указывал на фактор формирования и дальнейшего развития «денежной экономики»¹³⁰, которая содействовала разрушению территориальной замкнутости и ограниченности, способствовала кризису натуральной, преимущественно, аграрной экономики, что вело к усилению городов с их проторыночными отношениями. В рамках подобного восприятия город – это преимущественно экономический центр. Японский исследователь Харада Томохико указывал на «экономические отношения обмена и денежное хозяйство»¹³¹ как важные и неотъемлемые атрибуты города. Некоторые американские экономисты (например, Г. Норман¹³²) именно с городами, как центрами «расширения рынка», были склонны связывать возникновение качественно новых экономических отношений в неевропейских регионах.

Аналогичные процессы имели место и в Корее¹³³, но в последней ростовщическая деятельность в корейских городах не могла радикальным образом изменить основную линию развития экономики в целом. Это было вызвано доминированием традиционных отношений преимущественно дистрибутивной экономики в то время, как в Японии развивалась национальная версия капитализма, содержащая в себе гораздо больше потенциально проторыночных или даже рыночных институтов в отличие от преимущественно глубоко традиционной и, как следствие, ограниченной рамками натурального хозяйства экономики Кореи. Некоторые советские авторы¹³⁴ также актуализировали именно экономическое измерение средневековых городов, подчеркивая фактор товарно-денежных отношений в его развитии. Тем не менее, вероятно следует признать, что экономическое измерение города в древневосточных и средневековых обществах было в значи-

тельной степени ограничено в силу доминирования как натурального хозяйства, так и в значительной степени традиционных институтов, которые составляли основу функционирования общества. Традиционные институты в большей степени были ориентированы на простое воспроизводство системы, не обладая экономическим содержанием.

¹ О восприятии идей К. Маркса и Ф. Энгельса о традиционном обществе в советской историографии см.: Коранашвили Г.В. К вопросу об эволюции взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на восточное общество / Г.В. Коранашвили // კავკასიურ-აზიურ-მედიკალური კრებული VI / რედ. გრ. გომრეაძე. – თბილისი, 1980. – С. 87 – 104. Об отношении к Карлу Марксу в западной экономической науке см.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер / общ. ред., предисл. В.С. Автономов; пер. с англ. В.С. Автономов, Л.А. Громова и др. – М., 1995. – С. 35 – 100; Негиши Т. История экономической теории / Т. Негиши / пер. с англ. С.Б. Авдашева и др.; под. ред. Л.Л. Любимова, В.С. Автономова. – М., 1995. – С. 226 – 279. О дискуссиях (изучение и анализ которых в число задач данной монографии не входит) в рамках советской историографии в отношении распада «первобытнообщинного» (советская версия «традиционного») общества, о процессе формирования «раннеклассовых обществ» и их социально-экономическом характере см.: Мишулин А. Советская историография и задачи Древней истории / А. Мишулин // ВДИ. – 1938. – № 1. – С. 3 – 12; Мишулин А. За передовую науку о древней истории / А. Мишулин // ВДИ. – 1938. – № 2. – С. 5 – 17; Пригожин А.Г. Ленин и основные проблемы истории докапиталистических формаций / А.Г. Пригожин // Проблемы истории докапиталистических формаций. – 1934. – № 1. – С. 7 – 28; Проблемы марксистского изучения Древней истории // ВДИ. – 1939. – № 3. – С. 3 – 9; Сталин и развитие марксистской исторической науки // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 3 – 15; Струве В.В. Изучение истории Древнего Востока в СССР за период 1917 – 1937 гг. / В.В. Струве // ВДИ. – 1938. – № 1. – С. 13 – 22. Позднее эти дискуссии обрели в большей степени академическую направленность: Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации / В.П. Илюшечкин. – М., 1980 (идеи, изложенные в этой книге с грифом «Для обсуждения», получили развитие в монографии В.П. Илюшечкина, изданной в 1990 году – Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (опыт системно-структурного исследования) / В.П. Илюшечкин / отв. ред. В.Г. Растянников. – М., 1990); Никифоров В.Н. Восток и всемирная история / В.Н. Никифоров. – М., 1975; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития) / Ю.В. Павленко / отв. ред. Е.П. Буян-тян. – Киев, 1989. – С. 11 – 73.

² В число задач настоящей монографии анализ дискуссий, имевших место в советский период относительно экономического характера древневосточных обществ, не входит. Подробнее см.: Кара-Мурза А.А. «Азиатский способ производства»: формация, переходный период или социальная революция? / А.А. Кара-Мурза // Древний и Средневековый Восток / отв. ред. Д.В. Васильев и др. – М., 1988. – Часть 1. – С. 140 – 150; Качановский Ю.Ф. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? / Ю.Ф. Качановский / отв. ред. В.Н. Никифоров. – М., 1971; Ким Г.Ф., Ашфарян К.З. Некоторые вопросы изучения классов и сословий в докапиталистических обществах Азии / Г.Ф. Ким. К.З. Ашфарян // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким. К.З. Ашфарян. – М., 1986. – С. 4 – 15. О дискуссиях относительно азиатского способа производства см.: Рю Ю.М. Проблемы формационной идентификации древнеяпонского общества (обзор работ японских авторов по проблеме азиатского способа производства) / Ю.М. Рю // Дискуссионные проблемы японской истории / отв. ред. А.Е. Жуков. – М., 1991. – С. 9 – 58.

³ Концепция азиатского способа производства была заимствована советскими историками у Карла Маркса. См. подробнее: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству / К. Маркс // ВДИ. – 1940. – № 1. – С. 9 – 26.

⁴ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история / В.Н. Никифоров. – М., 1975. – С. 20.

⁵ В частности, Ю.Б. Циркин, анализируя этническую гетерогенную структуру Испании в древности, указывает на одновременное сосуществование у разных групп населения (по этническому принципу) различных экономических отношений и институтов. См.: Циркин Ю.Б. Древняя Испания / Ю.Б. Циркин. – М., 2000. – С. 131 – 152. Ранее (в 1952 году) подобная точка зрения была озвучена А.В. Мишулиным. См.: Мишулин А.В. Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э. / А.В. Мишулин / отв. ред. С.Л. Утченко, Я.А. Ленцман. – М., 1952.

⁶ Спенсер Ч. Политическая экономия становления первичного государства / Ч. Спенсер // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.И. Крадин и др. – М., 2000. – С. 137 – 154.

⁷ Васильев Л.С. Всеобщая история / Л.С. Васильев. – М., 2007. – Т. 2. Восток и Запад в средние века. – С. 41.

⁸ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – С. 30.

⁹ Равдоникас В.И. К вопросу о диалектике развития доклассового общества / В.И. Равдоникас // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 2. – С. 25 – 48.

¹⁰ Традиционное общество отличается значительной устойчивостью и адаптивным потенциалом. О его институтах, которые в советской историографии рассматривались как «пережитки общинно-родового строя» в теоретическом плане, а также о конкретных проявлениях в экономической сфере (на примере периферийного для России региона – Тувы – расположенного в Азии) см.: Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. / В.И. Дулов / отв. ред. С.А. Токарев. – М., 1956.

¹¹ Подробнее о подобных обществах см.: Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVIII – XIX вв. / Ю.П. Аверкиева. – М., 1970. См. также: Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому / Ю.П. Аверкиева. – М., 1974. Американская точка зрения на настоящую проблематику представлена, в частности, в работах С. Ковалевски. См.: Ковалевски С. Циклические трансформации в североамериканской доистории / С. Ковалевски // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.И. Крадин и др. – М., 2000. – С. 171 – 185.

¹² Камерон Р. Краткая экономическая история мира. – С. 36 – 44.

¹³ Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации / В.П. Илюшечкин. – М., 1980. – С. 5.

¹⁴ Хикс Дж. Теория экономической истории / Дж. Хикс / пер. с англ. Б.М. Болотина, общ. ред. Р.М. Нуреева. – М., 2003. – С. 26, 32.

¹⁵ Хикс Дж. Теория экономической истории. – С. 32.

¹⁶ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы / М. Гимбутас / пер. с англ. М.С. Неклюдовой, науч. ред. О. Чугай. – М., 2006. – С. 27. Концепция Марии Гимбутас является в значительной степени спорной и признается далеко не всеми представителями научного сообщества, хотя имеют место и попытки ее развития. См.: Дергачев В.А. О скипетрах, лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас / В.А. Дергачев. – СПб., 2007.

¹⁷ Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века / К.Н. Пицхелаури. – Тбилиси, 1979. – С. 88.

¹⁸ კიკვიძე ი. მიწათმოქმედება და სამიწათმოქმედო კულტი ძველ საქართველოში / ი. კიკვიძე. – თბილისი, 1976 [kikvidze i. micatmokmedeba da samocatmokmedo kulti dzvel sakartveloshi / i. kikvidze. – tbilisi, 1976].

¹⁹ Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. – С. 42.

²⁰ Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию / А.А. Сусоколов. – М., 2006. – С. 57 – 65.

²¹ О многовариативности социальных трансформаций в генезисе новых отношений см.: Классен Х. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х. Классен // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.И. Крадин и др. – М., 2000. – С. 6 – 23; Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции / А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.И. Крадин и др. – М., 2000. – С. 24 – 83.

²² Экономическая история мира. Европа / общ. ред. М.В. Конотопова. – М., 2004. – Т. 1. – С. 11.

²³ Городской уровень существовал в большинстве традиционных экономик. Подробнее см.: Гуляев В.И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе) / В.И. Гуляев / отв. ред. Н.Я. Мерперт. – М., 1979. См. также: Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика / К. Ламберг-Карловски, Дж. Саблов / пер. с англ. А.А. Пономаренко, И.С. Клочкова; отв. ред., предисл. Н.Я. Мерперт, В.И. Гуляев. – М., 1992; Соди Д. Великие культуры Месоамерики / Д. Соди / пер. с исп. З.В. Ивановского; предисл., науч. ред. В.И. Гуляева. – М., 1985.

²⁴ Никольский Н.М. К вопросу о ренте-налоге в Древнем Двуречье (к вопросу о форме эксплуатации труда на Востоке) / Н.М. Никольский // ВДИ. – 1939. – № 2. – С. 68 – 76.

²⁵ Изучение экономических основ, различных экономических институтов и отношений, которые существовали в рамках цивилизаций на территории Южной, Центральной и Северной Америки не входит в число задач Автора настоящей монографии. Тем не менее, нельзя исключать их экономического сходства с различными традиционными моделями экономики, которые, например, существовали в рамках обществ Древнего Востока. Подробнее см. исследование В.И. Гуляева, который считал возможным в социально-экономическом плане сравнивать мезоамериканские и древневосточные цивилизации – Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики / В.И. Гуляев / отв. ред. П.М. Кожин. – М., 1972. Также см. работу Мануэля Галича, который рассматривает экономику индейцев в доевропейский как преимущественно аграрную и, поэтому, в значительной степени традиционную: Галич М. История доколумбовых цивилизаций / М. Галич / пер. с исп. Г.Г. Ершовой, М.М. Гурвица; вступит. статья Ю.В. Кнорозова. – М., 1990. Аналогичная проблематика затронута и в других публикациях. См. подробнее: Шэдел Р., Робинсон Д. Становление государства в доколумбовой Америке / Р. Шэдел, Д. Робинсон // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.И. Крадин и др. – М., 2000. – С. 155 – 170.

²⁶ Подробнее о специфике развития обществ Мезоамерики в доевропейский период см.: Бушнелл Дж. Перу. От ранних охотников до империи инков / Дж. Бушнелл / пер. с англ. Н.А. Зотина. – М., 2003; Ко М. Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты / М. Ко / пер. с англ. З.М. Насоновой. – М., 2003; Сустьель Ж. Ац-

теки. Воинственные подданные Монтесумы / Ж. Сустель / пер. с англ. Л.А. Карповой. – М., 2003. Все три издания носят в большей степени популярный характер, их перевод отличается не самым лучшим качеством, но, принимая во внимание незначительное число научных публикаций по данной тематике на русском языке, они могут служить ценным введением в предмет.

²⁷ О генезисе протогосударственных и государственных структур в древности см.: Васильев Л.С. Протогосударство-цифдом как политическая структура / Л.С. Васильев // НАА. – 1981. – № 6. – С. 157 – 175.

²⁸ См. например: Стучевский И.А. Коллективность зернового производства в Древнем Египте эпохи Нового царства / И.А. Стучевский // Древний Восток и античный мир. Сборник статей, посвященных профессору В.И. Авдиеву / ред. В.И. Кузищин. – М., 1972. – С. 37 – 45. Правда, спустя три года И.А. Стучевский был склонен описывать общество Древнего Египта как сложное и гетерогенное. См.: Стучевский И.А. Псевдоземледельцы Древнего Египта – «агенты» фиска / И.А. Стучевский // Древний Восток / отв. ред. И.С. Кацнельсон. – М., 1975. – Сборник 1. К семидесятипятилетию академика М.А. Коростовцева. – С. 141 – 153.

²⁹ Конрад Н.И. О рабовладельческой формации / Н.И. Конрад // Конрад Н.И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М., 1966. – С. 33 – 53.

³⁰ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – С. 126 – 277.

³¹ Коранашвили Г.В. Докапиталистические способы производства / Г.В. Коранашвили / отв. ред. Н.Ю. Ломоури. – Тбилиси, 1988. – С. 9.

³² Подобная ситуация характерна для большинства традиционных восточных обществ, в частности – для среднеазиатских, о чем писали и советские исследователи. См.: Дриккер Х.Н. Преодоление многоукладности в Таджикистане в условиях перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм / Х.Н. Дриккер / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1973.

³³ Шрадер Х. Экономическая антропология / Х. Шрадер / пер. с англ. Е.А. Островской. – СПб., 1999. – С. 11.

³⁴ О роли И.М. Дьяконова в развитии советского востоковедения см.: Саркисян Г.Х. Игорь Михайлович Дьяконов (к шестидесятилетию со дня рождения) / Г.Х. Саркисян // Древний Восток / ред. Н.В. Арутюнян и др. – Ереван, 1976. – Вып. 2. – С. 265 – 282.

³⁵ Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии / И.М. Дьяконов. – Л., 1949. – С. 31. См. также более позднюю работу И.М. Дьяконова: Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер / И.М. Дьяконов. – М., 1959.

³⁶ Бертман Ст. Месопотамия. Энциклопедический справочник / Ст. Бертман / пер. с англ. А.А. Помогайбо; коммент. В.И. Гуляев. – М., 2007. – С. 285.

³⁷ Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития) / Ю.В. Павленко / отв. ред. Е.П. Бунятян. – Киев, 1989. – С. 259.

³⁸ Подробнее см.: Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития / И.М. Дьяконов // История Древнего мира / под. ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – М., 1983. – Т. 1. Ранняя древность. – С. 37.

³⁹ О проблемах собственности на Древнем Востоке см. подробнее: Васильев Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – М., 2001. – Т. 1. – С. 53.

⁴⁰ Мартиросян А.А. Хозяйство делового дома Эгиби в Вавилонии в 555 – 522 гг. до н.э. / А.А. Мартиросян // Древний Восток / ред. Н.В. Арутюнян и др. – Ереван, 1978. – Вып. 3. – С. 179 – 211.

⁴¹ Белявский В.А. Трагедия селения Ах-Иддина / В.А. Белявский // Древний Восток и античный мир. Сборник статей, посвященных профессору В.И. Авдиеву / ред. В.И. Кузищин. – М., 1972. – С. 63 – 74.

⁴² Павловская А.И. Эллинистический Египет: проблема взаимодействия эллинских и местных элементов в экономике страны / А.И. Павловская // Эллинизм: восток и запад / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М., 1992. – С. 115 – 139.

⁴³ Дивбойз Н.К. Политическая история Парфии / Н.К. Дивбойз / пер. с англ., науч. ред., библиогр. прилож. В.П. Никонорова. – СПб., 2008.

⁴⁴ Климов О.Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства / О.Ю. Климов / отв. ред. Э.Д. Фролов. – СПб., 2010.

⁴⁵ Следует упомянуть единственную на русском языке монографию О.Л. Габелко – работу чрезвычайно интересную, ценную и информативную, в которой, правда, экономическое проблематике уделено минимальное внимание, хотя можно признать, что на фоне отсутствия работ об этой стране изучение истории экономики не входило в число приоритетных задач ее Автора. См.: Габелко О.Л. История Вифинского царства / О.Л. Габелко / науч. ред. Э.Д. Фролов. – СПб., 2005.

⁴⁶ Ломоури Н. К истории Понтийского царства / Н. Ломоури. – Тбилиси, 1979.

⁴⁷ Горлов Ю.В. Эллинистический Родос / Ю.В. Горлов // Эллинизм: экономика, политика, культура / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М., 1990. – С. 186 – 222; Кошеленко Г.А. Греция в эллинистическую эпоху / Г.А. Кошеленко // Эллинизм: экономика, политика, культура / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М., 1990. – С. 141 – 185; Лопухова О.Б. Делос во II в. до н.э. / О.Б. Лопухова // Эллинизм: экономика, политика, культура / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М., 1990. – С. 223 – 248; Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху / В.П. Яйленко // Эллинизм:

экономика, политика, культура / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М., 1990. – С. 249 – 309 (см. также: Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства / С.Ю. Сапрыкин // *Античная цивилизация и варвары* / отв. ред. Л.П. Маринович. – М., 2006. – С. 171 – 241).

⁴⁸ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса) / М.А. Агларов / отв. ред. В.К. Гарданов. – М., 1988. – С. 206.

⁴⁹ О восприятии торговли К. Поланьи в контексте развития рынка см.: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи / пер. с англ. А.А. Васильева и др.; под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб., 2002. – С. 293.

⁵⁰ Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I – III вв. н.э.) / И.Ш. Шифман / отв. ред. А.Г. Лундин. – М., 1977. – С. 65.

⁵¹ Сапрыкин С.Ю. Структура земельных отношений в Понтийском царстве / С.Ю. Сапрыкин // *Эллинизм: восток и запад* / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М., 1992. – С. 85 – 114.

⁵² В западных общественных науках – в истории и экономической истории – имели место попытки изучить роль гендерного фактора. См.: Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках / Г. Беккер // *Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем.* – 1994. – Вып. 6. Женщина, мужчина, семья. – С. 12 – 36; Вулли Фр. Феминистский вызов неоклассической экономической теории / Фр. Вулли // *Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем.* – 1994. – Вып. 6. Женщина, мужчина, семья. – С. 77 – 100; Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства / Р. Поллак // *Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем.* – 1994. – Вып. 6. Женщина, мужчина, семья. – С. 50 – 76.

⁵³ Подробнее о развитии торговли и кредита в эллинистический период см.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация / В. Тарн / пер. с англ. С.А. Ляковского, предисл. С.И. Ковалева. – М., 1949. – С. 95 – 114, 220 – 235.

⁵⁴ Советский историк И. Шифман полагал, например, что «на территории сирийских полисов господствовала частная собственность на землю». См.: Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I – III вв. н.э.) / И.Ш. Шифман / отв. ред. А.Г. Лундин. – М., 1977. – С. 77.

⁵⁵ Советскими историками феодализм был найден, например, в истории Кореи. На корейскую историю усилиями советских исследователей были распространены почти все характерные особенности западного феодализма. Например, среди изучаемых проблем были проблемы государственной собственности на землю, служебного землевладения, частной феодальной собственности, закабаление крестьянства, разложение феодализма и т.д. Подробнее см.: Ванин Ю.В. Феодальная Корея в XIII – XIV веках / Ю.В. Ванин / отв. ред. М.Н. Пак. – М., 1962; Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV – XVI веков / Ю.В. Ванин / отв. ред. И.С. Казакевич. – М., 1981.

⁵⁶ Смилянская И.М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже Нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины) / И.М. Смилянская / отв. ред. К.А. Антонова. – М., 1979. – С. 67.

⁵⁷ Подробнее о развитии частной собственности на землю в Дагестане в период Средневековья и о поисках советскими историками феодализма в регионе см.: Алиев Б.Г. Частнофеодальное (бекское) землевладение в Дагестане в XV – XVII вв. / Б.Г. Алиев // *Развитие феодальных отношений в Дагестане* / отв. ред. В.Г. Гаджиев. – Махачкала, 1980. – С. 27 – 60.

⁵⁸ О концепции П. Сорокина см.: Ольсевич Ю. Социология Питирима Сорокина и экономические трансформации / Ю. Ольсевич // *Вопросы экономики.* – 1999. – № 11. – С. 63 – 81.

⁵⁹ Подробнее см.: Сорокин П. Влияние голода на социально-экономическую организацию общества / П. Сорокин // *Экономист.* – 1921. – № 2. – С. 23 – 53.

⁶⁰ Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. – С. 64.

⁶¹ Широков Г.К. Роль государства в экономической эволюции / Г.К. Широков // *Российские реформы и зарубежный опыт системных преобразований* / отв. ред. В.А. Яшкин. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 76 – 92.

⁶² Подробнее см.: *European Economic History* / eds. W.J. Davisson, J.E. Harper. – NY., 1972. – Vol. 1. The Ancient World.

⁶³ Дьяконов И.М. Возникновение земледелия... – С. 39.

⁶⁴ Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен / пер. с нем. В.П. Гутник, В.И. Рубцов, А.Ю. Чепуренко; общ. ред. В.С. Автономов, В.П. Гутник, К. Херманн-Пиллат; ред. З.А. Басырова. – М., 1996. – С. 349.

⁶⁵ Роль рабства в значительной степени абсолютизировалась советскими историками и экономистами в конце 1930-х и в 1950-е годы, например академиком В.В. Струве (Струве В.В. История Древнего Востока / В.В. Струве. – М., 1941. См. так же и другие издания, где доминирует подобная интерпретация: Очерки истории Древнего Востока / В.С. Воробьев-Десятовский, Р.Ф. Итс и др.; под. ред. В.В. Струве. – М., 1956), который все общества Древнего Востока интерпретировал как однозначно рабовладельческие, хотя позднее столь ортодоксальные концепции были пересмотрены.

⁶⁶ Подробнее см.: Лурье И.М. Стоимость раба в Древнем Египте / И.М. Лурье // ВДИ. – 1938. – № 4. – С. 65 – 70.

⁶⁷ Подробнее о советской концепции истории социальных отношений и форм эксплуатации на Древнем Востоке см.: Берлев О.Д. Древнейшее описание социальной организации Египта / О.Д. Берлев // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке / отв. ред. М.А. Дандамаев. – М., 1984. – С. 26 – 34; Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в Древней Японии / М.В. Воробьев // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке / отв. ред. М.А. Дандамаев. – М., 1984. – С. 238 – 264; Воробьев М.В. Государство и общественное производство в Японии до середины VII века / М.В. Воробьев // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке / отв. ред. М.А. Дандамаев. – М., 1989. – С. 132 – 154; Фихман И.Ф. Приписные колонны (адскрипции – энапографы) по данным папирусов / И.Ф. Фихман // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке / отв. ред. М.А. Дандамаев. – М., 1984. – С. 166 – 226.

⁶⁸ Струве В.В. Очерки социально-экономической истории Древнего Востока / В.В. Струве. – [б.м.], [б.г.].

⁶⁹ В 1930-е годы советские историки, следуя концептам К. Маркса и Фр. Энгельса, предприняли попытки «вообразить» рабство в качестве системообразующего элемента древних обществ и экономик. См.: Осипов П.И. О рабстве в древнем обществе Китая / П.И. Осипов // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 7 – 8. – С. 134 – 159.

⁷⁰ Сен А.К. Возможность общественного выбора / А.К. Сен // Премия Шведского банка памяти Альфреда Нобеля в области экономических наук / ред. В.С. Разинов. – М., 2006. – Т. 6 (1998 – 2000). – С. 55.

⁷¹ О дискуссиях в советской историографии относительно древневосточных обществ см.: Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ / Г.А. Меликишвили // ВИ. – 1966. – № 11. – С. 65 – 80.

⁷² Подобный ревизионизм не носил универсального характера, являясь в большей степени исключением. Например, в армянской историографии доминировали традиционные для советской исторической науки в целом, оценки древних обществ как преимущественно рабовладельческих. См.: Аветисян Г.М. Государство Митанни (военно-политическая история в XVII – XIII вв. до н.э.) / Г.М. Аветисян / отв. ред. И.М. Дьяконов. – Ереван, 1984.

⁷³ В советской историографии общества Древнего мира, как правило, рассматривались в качестве рабовладельческих. О восприятии древних обществ как преимущественно рабовладельческих см.: Раков Л.Л. К проблеме закона движения рабовладельческой формации / Л.Л. Раков // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 3. – С. 48 – 64.

⁷⁴ Социально-экономическая природа древних обществ является чрезвычайно спорной. В научной литературе, как отечественной, так и зарубежной, высказываются самые разные точки зрения, диапазон которых варьируется от их определения как традиционных до феодальных. В западной историографии на статус феодального, как правило, претендует хеттское общество, хотя можно встретить и более оригинальные интерпретации. Например, А. Морэ, анализируя египетское общество, склонен определять его как феодальное, хотя аргументация (точнее ее почти полное отсутствие) является чрезвычайно спорной. См.: Морэ А. Нил и египетская цивилизация / А. Морэ / пер. с англ. Т.Е. Любовской. – М., 2007. – С. 215 – 228.

⁷⁵ О роли традиций в аграрной / натуральной экономике подробнее см.: Негмати А.Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков / А.Э. Негмати / отв. ред. Н.Н. Негматов. – Душанбе, 1989.

⁷⁶ Традиционные институты, глубоко интегрированные в экономические отношения, существовали в большинстве древних, средневековых и современных восточных (и европейских) обществ. Подробнее см.: Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков / Р.Р. Рахимов / отв. ред. А.М. Решетов. – Л., 1990.

⁷⁷ Бродель Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск, 1993. – С. 11.

⁷⁸ Подробнее см.: Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры / В.В. Емельянов. – СПб., 2003. – С. 50 – 51.

⁷⁹ Саркисян Г.Х. Довольствие ISQU в городе поздней Вавилонии – аналог полисных раздач (постановка проблемы) / Г.Х. Саркисян // Древний Восток / ред. Н.В. Арутюнян и др. – Ереван, 1978. – Вып. 3. – С. 88 – 92.

⁸⁰ Никифоров В.Н. Формы и сущность развития в древнем обществе: специфика отдельных цивилизаций / В.Н. Никифоров // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким. К.З. Ашфарян. – М., 1986. – С. 16 – 27.

⁸¹ Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной. – С. 180 – 210.

⁸² Сталин И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. – М., 1940. – С. 555.

⁸³ Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I – III вв. / Е.С. Голубцова / отв. ред. М.А. Коростовцев. – М., 1977.

⁸⁴ Голубцова Е.С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I – III вв. (независимая сельская община) / Е.С. Голубцова / отв. ред. О.И. Савостьянова. – М., 1962; Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии III в. до н.э. – III в. н.э. / Е.С. Голубцова / отв. ред. О.И. Савостьянова. – М., 1972.

⁸⁵ Шифман И.Ш. Угаритское общество (XIV – XIII вв. до н.э.) / И.Ш. Шифман / отв. ред. И.М. Дьяконов, В.А. Якобсон. – М., 1982. – С. 189. О свободном населении в Угарите см.: Шифман И.Ш. Угаритское общество. – С. 189 – 355. Примечательно, что рабам в социально-экономической структуре Угарита уделено меньше внимания. См.: Шифман И.Ш. Угаритское общество. – С. 163 – 188.

⁸⁶ О свободном населении в Китае см.: Васильев К.В. Данные о социальном слое го жэнь в период Чуньцю / К.В. Васильев // Социальные организации в Китае / отв. ред. Л.С. Васильев. – М., 1981. – С. 10 – 19; Илюшечкин В.П. Сословная и классовая структура общества в древнем и средневековом Китае / В.П. Илюшечкин // Социальные организации в Китае / отв. ред. Л.С. Васильев. – М., 1981. – С. 125 – 159.

⁸⁷ Тюрин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в II – VIII веках / А.Ю. Тюрин / отв. ред. Д.В. Деопик, Л.С. Переломов. – М., 1980.

⁸⁸ Васильев Л.С. Феодальный клан в древнем Китае (возникновение, расцвет, упадок) / Л.С. Васильев // Социальные организации в Китае / отв. ред. Л.С. Васильев. – М., 1981. – С. 160 – 180; Малявин В.В. Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение / В.В. Малявин // Социальные организации в Китае / отв. ред. Л.С. Васильев. – М., 1981. – С. 20 – 42.

⁸⁹ Фомина Н.И. Купечество в социальной структуре средневекового Китая / Н.И. Фомина // Социальные организации в Китае / отв. ред. Л.С. Васильев. – М., 1981. – С. 67 – 99.

⁹⁰ Лайнгер С.Р. Формы социальной организации хуацяо (по материалам японских исследований) / С.Р. Лайнгер // Социальные организации в Китае / отв. ред. Л.С. Васильев. – М., 1981. – С. 280 – 302.

⁹¹ Подробнее см.: Шарашенидзе Дж.М. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера II половины III тыс. до н.э. / Дж.М. Шарашенидзе / отв. ред. Г.А. Меликишвили. – Тбилиси, 1986.

⁹² Коранашвили Г.В. Древний Восток и античный мир (опыт сравнительно-исторического изучения цивилизаций) / Г.В. Коранашвили // ძველი ისტორიის საკითხები (კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული, IV). – თბილისი, 1973. – С. 23.

⁹³ Подробнее см.: Меликишвили Г.А. Об основных типах классовых обществ / Г.А. Меликишвили // კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1988. – С. 6.

⁹⁴ Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ / Г.А. Меликишвили // История СССР. – 1975. – № 6. – С. 44 – 53.

⁹⁵ Меликишвили Г.А. «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпоху / Г.А. Меликишвили // კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული VII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1984. – С. 9 – 23.

⁹⁶ Стучевский И.А. Проблема рабства и так называемой «илотии» / И.А. Стучевский // კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1988. – Вып. 8. – С. 76 – 83.

⁹⁷ Шарашенидзе Дж.М. Наемная рабочая сила в государственном хозяйстве эпохи III династии Ура (2132 – 2024 гг. до н.э.) / Дж.М. Шарашенидзе // კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული VI / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1980. – С. 32 – 47.

⁹⁸ Шарашенидзе Дж.М. SE-BA – рацион или вознаграждение труда / Дж.М. Шарашенидзе // კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული VIII / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1988. – С. 114 – 121.

⁹⁹ Чочиев А.Р. К вопросу о рабстве в Осетии / А.Р. Чочиев // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. А.И. Робакидзе. – Тбилиси, 1979. – Т. 5. – Вып. 2. – С. 182 – 195.

¹⁰⁰ Подробнее см.: ინაძე მ. ანტიკური ხანის კოლხეთისა და დრაკიაში სახელმწიფოს წარმოქმნა-განვითარების ისტორიული პარალელები / მ. ინაძე // კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური კრებული VI / რედ. გრ. გიორგაძე. – თბილისი, 1980. – გვ. 128 – 145. [inadze m. antikuri khanis kolkhedsa da drakiaši carokmnaganvitarebis istoriuli paralelebi / m. inadze // kavkaziur-akhloahmosavluri krebuli VI / red. gr. giorgadze. – tbilisi, 1980. – gv. 128 – 145].

¹⁰¹ Эдаков А.В. Денежное обращение в Египте в середине VI – начале V вв. до н.э. / А.В. Эдаков // Древний Восток и античный мир / ред. В.И. Кузищин. – М., 1980. – С. 63 – 83.

¹⁰² Об использовании наемного труда в неевропейских обществах см.: Непомнин О.Е. О характере найма в китайской деревне начала XIX века / О.Е. Непомнин // О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX вв.). Материалы обсуждения / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 36 – 43; Непомнин О.Е. Возникновение капитализма в крестьянских текстильных промыслах в Китае XVIII – XIX вв. / О.Е. Непомнин // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1968. – С. 437 – 468.

¹⁰³ Стужина Э.П. Экономическое содержание терминов найма и формы оплаты труда в городском ремесленном производстве феодального Китая (XI – XVIII вв.) / Э.П. Стужина // Возникновение капитализма в

промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1968. – С. 408 – 436.

¹⁰⁴ Одним из авторов термина «редистрибуция» в советской историографии был Л.С. Васильев (Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации) / Л.С. Васильев / отв. ред. А.В. Меликсетов. – М., 1983. – С. 11 – 17), работы которого отличались значительной оригинальностью, не вписывались или плохо интегрировались в советский идеологизированный канон исторического знания, за что его обвиняли в переходе «на позиции структурализма и в отказе от марксистской социологии». См.: Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – С. 70. Критика концепции В.Н. Никифорова представлена в некоторых работах В.П. Илющечкина. См.: Илющечкин В.П. Система и структура добуржуазной. – С. 15 – 16, 153.

¹⁰⁵ Подробнее об этом этапе в истории Японии см.: Эйдуз Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк / Х.Т. Эйдуз. – М., 1968. – С. 6. См. также новейшие российские интерпретации: Кожевников В.В. Очерки истории Японии VII – XI вв. / В.В. Кожевников. – Владивосток, 2001. Японская интерпретация событий представлена в: Хани Горо, История японского народа / Хани Горо / пер. с япон. А.А. Искендерова, И.Н. Киселева; ред. Б.В. Поспелова; вступит. ст. А.Л. Гальперина. – М., 1957. – С. 28 – 33.

¹⁰⁶ Воробьев М.В. Япония в III – VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир / М.В. Воробьев / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М., 1980. – С. 159 – 174.

¹⁰⁷ Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в до н.э.) / А.М. Дандамаев / отв. ред. В.В. Струве. – М., 1963.

¹⁰⁸ Хикс Дж. Теория экономической истории. – С. 46.

¹⁰⁹ В самом общем плане под урбанизацией следует понимать «процесс повышения роли городов в развитии общества». См.: Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию / А.А. Сусоколов. – М., 2006. – С. 165.

¹¹⁰ Камерон Р. Краткая экономическая история мира. – С. 62.

¹¹¹ Подробнее см.: Массон В.М. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций / В.М. Массон // Древний Восток и античный мир / ред. В.И. Кузицин. – М., 1980. – С. 11 – 41.

¹¹² Подробнее об этих городах см.: Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации / Ю.В. Андреев // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития / отв. ред. Э.Д. Фролов. – Л., 1987. – С. 4 – 34.

¹¹³ Алексин В.А. Некоторые закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ (по данным погребальных обрядов) / В.А. Алексин // Древние цивилизации Востока (Материалы II Советско-американского симпозиума) / отв. ред. В.М. Массон. – Ташкент, 1986. – С. 21 – 29.

¹¹⁴ Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды: демография, экономика, войны / А.В. Коротаев, Н.Л. Комарова, Д.А. Халтурина. – М., 2007. – С. 177.

¹¹⁵ Саутхолл Э. О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.И. Крадин и др. – М., 2000. – С. 130 – 136.

¹¹⁶ Велерс Ж. Крестьяне Сирии и Ливана / Ж. Велерс / сокр. пер. с франц. Я.И. Серебрянского, вступит. статья А.П. Орешникова. – М., 1952. – С. 168 – 170.

¹¹⁷ Сайко Э.В. Переход в социальной эволюции и роль города в ее историческом выполнении / Э.В. Сайко // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. – М., 2001. – С. 10 – 70.

¹¹⁸ Сайко Э.В. Город как феномен социокультурного развития / Э.В. Сайко // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. – М., 2001. – С. 3 – 9.

¹¹⁹ Андреев Ю.В. Ранние формы урбанизации / Ю.В. Андреев // ВДИ. – 1987. – № 1. – С. 3 – 18.

¹²⁰ О проблеме урбанизации в теоретическом плане см.: Журавская Е.Г. Немарксистские концепции урбанизации и особенности социальной эволюции развивающихся стран Востока / Е.Г. Журавская // Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен / отв. ред. Е.Г. Журавская, С.А. Панарин. – М., 1990. – С. 45 – 80.

¹²¹ Подробнее об этом аспекте изучаемой проблематики см.: Кузицин В.И. Древний Восток и всемирная история / В.И. Кузицин // История Древнего Востока / ред. В.И. Кузицин. – М., 2002. – С. 5.

¹²² Эта проблема в российской науке начала активно изучаться в позднесоветский период. См.: Рейснер Л.И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада / Л.И. Рейснер // Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен / отв. ред. Е.Г. Журавская, С.А. Панарин. – М., 1990. – С. 7 – 44.

¹²³ О религиозном факторе в истории Древнего Востока см. подробнее: Емельянов В.В. Ритуал и миф в Месопотамии / В.В. Емельянов. – СПб., 2003.

¹²⁴ Коровкин В.В. Очерки истории государственного хозяйства... – С. 78.

¹²⁵ О структуре участников экономики Древнего Шумера см.: Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры / В.В. Емельянов. – СПб., 2003. – С. 48 – 49.

¹²⁶ Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. Социально-экономические отношения / О.Г. Большаков / отв. ред. И.М. Смилянская. – М., 2001. – С. 17.

¹²⁷ Подробнее о концепции «экономического человека» см.: Автономов В.С. Модель человека в буржуазной политической экономии от Смита до Маршалла / В.С. Автономов // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли / гл. ред. В.А. Жамин, ред. А.А. Баранов и др. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 204 – 219; Автономов В.С. Поиск новых решений (модель человека в западной экономической теории 1900 – 1920-х годов) / В.С. Автономов // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли / гл. ред. В.А. Жамин, ред. А.А. Баранов и др. – М., 1990. – Вып. 2. – С. 187 – 200; Автономов В.С. Модель человека в экономической науке / В.С. Автономов. – СПб., 1998. – С. 9 – 11.

¹²⁸ Искендеров А.А. Развитие городов в Японии в XVI веке / А.А. Искендеров // О генезисе капитализма в странах Востока (XV – XIX). Материалы обсуждения / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1962. – С. 24 – 35.

¹²⁹ Толстогузов А.А. Социально-экономические особенности японского города конца VII – VIII вв. / А.А. Толстогузов // Дискуссионные проблемы японской истории / отв. ред. А.Е. Жуков. – М., 1991. – С. 59 – 90.

¹³⁰ Норман Г. Возникновение современного государства в Японии / Г. Норман // Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. Солдат и крестьянин в Японии / Г. Норман / пер. с англ. П.П. Топеха; ред., предисл. Е.М. Жуков. – М., 1961. – С. 19.

¹³¹ О японской историографии города см.: Искендеров А.А. Феодалный город Японии XVI столетия / А.А. Искендеров / отв. ред. Г.И. Подпалова. – М., 1961. – С. 20 – 22.

¹³² Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. – С. 16.

¹³³ Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV – XVI веков / Ю.В. Ванин / отв. ред. И.С. Казакевич. – М., 1981. – С. 261 – 270.

¹³⁴ Ашурбейли С.Б. К вопросу о социальной структуре городов Ширвана и Дербенда в XI – XII веках / С.Б. Ашурбейли // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа / отв. ред. В.Г. Гаджиев. – Махачкала, 1988. – С. 140 – 147.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ УКРАИНСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Всеволод ГОЛУБНИЧИЙ

ПЛАНОВАЯ И СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИКИ: СРАВНЕНИЕ*

В моей статье «Сучасна економіка СРСР» («Вперед» ч. 5-6, 1951) я писал, что плановость дает много возможностей и «в этом отношении и советская экономическая система государственного капитализма имеет большие преимущества перед капитализмом частным». Это вызвало возражения некоторых читателей, которые пишут, что мой тезис не доказан. В этой статье я и хочу обосновать ее. Само собой, я не говорил и не собираюсь говорить, что «лучше». Это не было и не является моей задачей. Потому что некоторые думают, что если я говорю об экономических преимуществах системы государственного капитализма против частного, значит она лучше. Наша цель только установить законы развития, а что лучше и куда идти, будет вытекать из тех жизненных возможностей, которые мы изучаем. Самое главное, чтобы люди не ориентировались на осужденные историей пути.

Наша цель — сравнение систем, а не стран. А значит, она будет интересоваться не тем, сколько напр. нефти добывается в Румынии в сравнении с Ираном, а какими темпами возрастает эта добыча. Т.к. мощность экономической системы измеряется в первую очередь динамикой развития ее производительных сил. Значит, рассмотрим и сравним динамику развития производительных сил СССР и США, как представителей двух систем. Возьмем прежде всего темп роста национальной прибыли этих стран за период 1913-1949 гг. Национальной прибылью, как известно, является сумма чистой продукции экономики данной страны за один год (валовая продукция минус средства производства). В приведенной ниже таблице ч. 1 сравнивается национальная прибыль СССР и США. За основу взят 1926 год, который будем считать как 100%. Из таблицы ясно, что в США национальная

* В.с. Фелікс (Всеволод Голубничий), *Плянoвaй вільна економіка. Порівняння* / В.с. Фелікс (Всеволод Голубничий) // *Вперед* (Мюнхен). – 1952. – Ч. 1 – 2 (21 – 22). – С. 8 – 10. – (<http://vpered.wordpress.com/2011/10/20/holubnichy-planned-and-market-economies/>). Перевод с украинского М. Казариновой.

прибыль за период 1926-1949 увеличился немного больше чем в два с половиной раза, в СССР в восемь раз. Это значит, что продуктивность экономики СССР за эти 23 года возросла почти в четыре раза быстрее, чем продуктивность экономики США. Это касается, очевидно, экономики в целом, т.к. отдельные отрасли развиваются быстрее или медленнее. Напр. в СССР очень отстает потребительская промышленность, зато быстрыми темпами возрастает продукция средств производства. Приведенное число — «почти в четыре раза быстрее» является пересекающейся мерой динамики роста продуктивности экономики СССР.

Если присмотримся внимательнее... то мы увидим такую картину: начиная от 1926 года советская экономика идет вверх, никаких уклонов или колебаний значения в кривой ее развития не имеет. В это же время американская экономика идет зигзагами, линия ее развития полломана, ее бьют затяжные кризисы (1931-1938 гг.). Видим также, что содействует развитию американской экономики (1940-1949 гг.): это война и ее последствия. Но мы еще придем ниже к рассмотрению сил,двигающих экономику обеих стран. Тут хотим предупредить, чтобы нам не закинули, что мы выбрали для сравнения «ненормальный» период в экономической истории США, а именно — период кризиса, и таким способом влияем на выводы. Но мы выбрали тут для сравнения лучший период в истории США. Потому что если бы мы заглянули в предыдущий период, например — проанализировали бы рост национальной прибыли США за 1901-1918 гг., то увидели бы еще худшую картину, т.к. в том периоде национальная прибыль США даже не удвоилась. А перед 1901 годом, к сожалению, статистические данные о национальной прибыли США не публиковались вообще.

Это про общую картину динамики роста продуктивности экономики СССР и США. Если бы мы захотели сравнивать динамику экономического развития СССР с развитием современной Англии, Франции или любого другого «большого государства», то картина была бы поражающей. Национальная прибыль, например Англии за последние 50 лет в среднем не превышает прибыль 1900 года. Это говорит о том, что экономическое развитие Англии уже остановилось и сегодня она живет «как той дядько на трех гектарах» «трудовой собственности», то есть, — производит ровно столько, чтобы не умереть с голода, — это в лучшем случае. Иначе (и это кажется более близким правде) живет с займов, подарков и других подобных скачков «экономических гормонов».

Общая динамика развития... отображается и в отдельных отраслях экономики... мы видим, что когда в СССР в 1950 г. продукция

стали возросла в сравнении с 1940 годом на 48,6%, а чугуна — на 28,7%, то в США продукция стали снизилась на 6%, а чугуна — на 2,7%. При этом не нужно забывать, что СССР пережил страшную разруху войны, в то время, как США на протяжении войны только процветали. В послевоенный период 1945-1950 гг. продукция стали в СССР в среднем возрастала ежегодно на 4,2 млн. тон. Продукция стали из США в этот же период раз возросла и дважды упала, оставшись в 1949 г. на 2,2 млн. тон ниже, чем в 1945 г. Такое состояние логично приводит к выводу, что если в США на протяжении ближайшего времени не произойдет существенных изменений, то за 18 лет, то есть — около 1968 года, СССР перегонит Америку в производстве стали. На важности этого вывода остановимся ниже.

Мы рассмотрели и сравнили динамику развития производительных сил СССР та США и пришли к выводу, что производственные силы СССР будут развиваться почти в 4 раза быстрее, чем производственные силы Америки. Это является первым доказательством того, что советская экономическая система имеет преимущества перед экономической системой США. Теперь рассмотрим саму систему обеих стран, рассмотрим разрушительные силы развития производительных сил. То есть, ответим на вопросы о том, почему производственные силы СССР развиваются быстрее американских.

В СССР, как известно, существует плановая система хозяйства; в США существует «свободная» рыночная система. Плановая система хозяйствования означает развитие производительных сил согласно с волей человека. Это является насквозь рациональной системой, где высчитываются до мельчайших подробностей все нужды и все возможности в масштабе целого государства. В Госплане СССР высчитывается, например, что для повышения товарооборота на транспорте в данном году необходимо производить столько-то новых паровозов, а для этого нужно столько-то металла и столько-то рабочей силы. Через соответствующие министерства посылается запрос о возможности поставки этого количества металла на такие вот заводы; в металлургических заводах узнают, есть ли возможность произвести это дополнительное количество металла; в школах трудовых резервов узнают о возможности поставки новой рабочей силы; на паровозостроительных заводах выясняется за какое время и при каких затратах это количество паровозов может быть сделано. И так далее. После этих подсчетов строят план. Этот кусок бумаги, который имеет такое большое значение, посылают на подтверждение в соответствующие государственные органы, где он апробируется и объявляется законом. Когда план становится законом, тогда вся экономическая машина приходит

в движение: сталевары производят нужное количество металла; министерство транспорта отправляет этот металл по назначению; министерство трудовых резервов посылает нужное количество работников; паровозостроительные заводы начинают выполнять план... План есть закон и его переступить нельзя. Это есть механизм, где пружиной является человеческая свобода и разум.

Другое дело — чья это свобода и разум, то есть — кто те люди, что управляют развитием производительных сил СССР. Во всех предыдущих наших статьях мы всегда касались этого вопроса. Вывод был и есть один: тем развитием управляют не работники, а бюрократия. В последнем номере «Вперед» мы анализировали реформу управления колхозов. Там сказано ясно, кто и как управляет развитием производительных сил сельского хозяйства СССР. Не обращая внимания на свои преимущества, не обращая внимания на огромные успехи, фактом есть то, что советская экономическая система существует не для трудящегося человека, а наоборот — трудящийся человек является дополнением к советской экономической системе.

Именно в этом и проявляется наибольшая слабость экономики СССР. Кажется, можно было бы подумать, что экономическая система, руководствуется свободой и разумом человека, является вечной. Ей не грозят никакие кризисы, никакие внутренние преграды. Но такая мысль может появиться только если брать эту систему как абстракцию, как теоретическую условность, оторванную от действительности. Действительность же говорит о чем-то противоположном. Потому, что такой системой не руководят одни трудящиеся производители, эта система закономерно и неизбежно стоит под угрозой, что производственные отношения, то есть, организация общественной жизни, будет препятствовать развитию производительных сил. Мы уже сегодня, можем утверждать, что существование бюрократии замедляет и тормозит развитие производительных сил СССР. Если бы трудящиеся имели свободу, если бы они сами входили бы в руководство независимыми государствами... то темпы развития были бы не в четыре раза, а может в сорок раз быстрее чем в Америке.

Но будем оставаться тут при анализе существующей действительности. СССР развивается, почти в четыре раза быстрее, чем США, не смотря на преграду бюрократии, не смотря на превращение трудящегося человека в приложение к экономике. Развивается так быстро потому, что экономикой руководит кое-что другое, как воля и разум человека, хоть и бюрократа.

Ничего подобного нет в «свободной» рыночной системе. В первых, там нет даже понятия «нужно». В США существует сейчас

т.наз. Бюро Экономической Мобилизации, которое было создано недавно с целью мобилизовать экономику к войне. Существенной власти это бюро не имеет. В ноябре 1951 г. глава бюро Вилсон собрал к себе на совещание владельцев сталеварных заводов и в своей речи заявил, что продукция стали в США является недостаточной. Вилсону необходима сталь, но владельцы ее дадут ему только тогда, когда он гарантирует им постоянную прибыль. Как же Вилсон может гарантировать прибыль, когда на них он не имеет никакого влияния, т.к. на прибыль влияет не человек, а рынок. А на рынке нет спроса на сталь, она там никому не нужна. В действительности сталь является очень необходимой, но у тех, кому вона нужна, нет денег, чтоб за нее заплатить. Чтоб Вилсон купил ту сталь, он должен идти к банкирам и занимать денег. А банкиры также хотят иметь прибыль и требуют проценты на займ. В данном случае, Вилсон является образом американского государства и он, то есть государство, имеет право наложить новые налоги на население, чтоб собрать деньги на покупку стали. Но налоги на население можно наложить только до определенной грани. Тем временем, пока Вилсон с государством ищут денег на покупку стали, владельцы стали, видя, что Вилсону сталь очень нужна, повышают цены на сталь, чтобы получить большую прибыль. Вилсон зовет на помощь Бюро по контролю цен, но это бюро имеет не больше власти, чем сам Вилсон. Кроме того, и в этом бюро, и в бюро Вилсона сидят представители владельцев сталеварной промышленности, которые охраняют тех, кого они представляют, и так происходит борьба за прибыль... а стали не хватает. Но представим, что, наконец, как-то они согласились, и сталь уже есть. Чтоб транспортировать ее к оборудованным заводам, Вилсон, или кто-то другой, должен идти к собственникам железных дорог. Те также хотят получить прибыль, и все дело начинается сначала. И так далее.

Представим теперь, что Вилсон не является американским государством, а обычное частное лицо, собственник какого-то паровозостроительного завода. Каким-то способом на рынке повышается спрос на паровозы и этот собственник Вилсон решает их производить. На рынке он узнает, что цены на сталь такие-то. Но тут же на рынке появляется какой-то конкурент Вилсона, скажем собственник вагоностроительного завода. Собственник стали, видя, что спрос на сталь возросла, повышает цену. Из-за этого Вилсон не может купить нужное количество стали, а покупает меньше. А вагоностроитель имеет больше денег, чем Вилсон, и купил всю нужную ему сталь. Впоследствии, Вилсон произвел меньше паровозов, чем «нужно», а вагоностроитель произвел именно то количество вагонов, которое «нужно».

Представим себе, что кому-то одному нужно было паровозы и вагоны. И он достает паровозов меньше, чем необходимо для вагонов. И так далее. Короче — хаос.

Разрушительной силой в этом хаосе является прибыль. Рынок функционирует по законам спроса и предложения, но функцией самого рынка является реализация прибыли. Продукция уменьшается независимо от уменьшения размера прибыли, т.к. «нет смысла» производить. Прибыль возрастает, если увеличивается спрос на продукцию. Но спрос может возрастать лишь при условии, что существует способность платить ту прибыль.

Если взглянуть на перспективы экономического развития США с точки зрения основной разрушительной силы ее экономической системы, то есть, с точки зрения прибыли, то ясно виден вопрос... Кто будет создавать спрос на американскую продукцию? Кто в состоянии платить за эту продукцию? Спрос на продукцию, конечно, есть везде и всегда: дело только в том, что не везде, не всегда и не все в состоянии платить за ту продукцию. Значит, стоит острый вопрос рынков сбыта. Нельзя сказать, что в современной Америке нет рынков сбыта, т.к. весь мир, за исключением советского блока, является на сегодняшний день рынком сбыта для американских товаров. Дело только в том, что эти рынки являются слишком слабыми, чтобы быть решающим разрушительным фактором для современного и будущего развития американской экономики; покупательная способность этих рынков является исчерпанным.

Америка — в определенной степени — это автаркия, то есть, в большой мере самодостаточная страна, которая имеет собственные сырьевые ресурсы и экономически не зависит от других стран. В этом отношении Америку нельзя сравнивать с Англией, или любой другой страной. Но опыт Америки учит, что капиталистическая автаркия перестает быть автаркией в стадии наивысшего развития капитализма: она зависит от внешних рынков сбыта, т.к. внутренний рынок перестает быть самодостаточным. Внутренний рынок современной Америки является также близким к исчерпанию в том отношении, что не может больше стимулировать рост производительных сил. Об этом явно свидетельствует поражение политиков-изоляционистов типа бывшего президента Гувера, которых не поддержал монопольный капитал, который управляет политикой в Америке. Об этом свидетельствует и тот факт, что монополисты согласились выбрасывать «даром» свою «лишнюю» продукцию в Европу и Азию в форме плана Маршалла... хотя Европа и Азия не имеют уже ничего, кроме политической независимости, чтоб платить за эту «помощь». Но смешно бы-

ло бы думать, что американские монополисты откажутся от прибыли и даром отдадут свою продукцию. «Филантропия» здесь простая: в Италию отправлено несколько сот тысяч тонн масла по 17 центов за фунт, в то время, как на нью-йоркском рынке фунт масла стоит 90 центов; если бы то количество провиантов и всяких других продуктов и товаров, которые были «даром» посланы в Европу и Азию, остались в США на внутреннем рынке, то они понизили бы цены на эти товары в Америке и этим уменьшили бы уровень доходов, которые получают сейчас предприниматели от продаж этих товаров на внутреннем рынке по высоким ценам. Другими словами, за план Маршала заплатила прибыль не Европа, а американский потребитель. Но permanently давить на консумента также нельзя. Это ведь ясно.

Мы говорим все время о перепроизводстве, о исчерпаемости рынков, о постоянном уменьшении спроса и т.д. только в отношении к искам. То есть, только для доходов и для системы, построенной на доходах все это является исчерпаемым... Спрос на продукцию не может нигде и никогда исчерпаться. Исчерпывается способность платить за продукцию, исчерпывается возможность получать выгоду. А без выгоды частный собственник производить не хочет...

Судя по достигнутому уровню развития производственных сил и по той экономической ситуации, в которой эти производственные силы оказались, напрашивается предположение, что это развитие может еще какое-то время крутиться вокруг оси достигнутого уровня, но чтоб расти постоянно вверх, у него могут кончиться силы. Доход — это олицетворение производительных отношений, препятствует дальнейшему развитию производительных сил.

Значит, в то время как в СССР экономикой движет человеческая воля и разум, то в США экономикой движет иррациональное стремление к выгоде. Первый фактор является пока относительно не исчерпанным. Другой фактор, как мы видим, уже исчерпывается. Это и объясняет, почему динамика развития производственных сил СССР является большей, чем США, и это говорит о том, почему советская экономическая система имеет преимущества перед американской.

Анализируя выше статистические данные о производстве стали в СССР и США, мы пришли к выводу, что через 18 лет СССР обгонит Америку. Что это значит? Это значит, что на протяжении следующих 18 лет мы будем свидетелями огромных непредвиденных перемен в мире.

Со своей современной экономической системой Америка не может соревноваться с СССР. Сталин, очевидно, тоже пришел к тем же выводам, когда в 1946 году в своей избирательной речи объявив свое-

образный «пятнадцатилетний план» 1950-1965 годов: в 1965 г. произвести стали 60 млн. тон, чугуна — 50 млн. т, нефти — 60 млн. т., угля — 500 млн. т. Он не сказал, что в 1965 г. СССР догонит Америку. Возможно для того, чтоб не пугать американцев. Возможно по той же причине уже год, как СССР не публикует данных и текста пятой пятилетки. Но все говорит о том, что СССР Америку таки догонит в недалеком будущем.

ДИСКУССИЯ

Максим КИРЧАНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ, ПОСТСОВЕТСКИЕ, ИЛИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ ПРОШЛЫМ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

Автор анализирует теоретические проблемы развития экономической науки в современной Украине. Автор полагает, что среди современных экономистов сложились два неформальные течения. Сторонники старой «советской» экономической науки формируют первое течение. Их оппоненты, приверженцы «новых» западных экономических теорий составляют второе течение. Отношения между двумя группами противоречивы. Сторонники первого течения предпочитают игнорировать методологические поиски оппонентов.

Ключевые слова: экономическая теория, теоретические исследования, Украина, интеллектуальное сообщество, украинские экономисты. Фрагментация

Автор аналізує теоретичні проблеми розвитку економічної науки в сучасній Україні. Автор вважає, що серед сучасних економістів склалися дві неформальні течії. Прихильники старої «радянської» економічної науки формують першу течію. Їх опоненти, прихильники «нових» західних економічних теорій складають другу течію. Відносини між двома групами суперечливі. Прихильники першої течії вважають за краще ігнорувати методологічні пошуки опонентів.

Ключові слова: економічна теорія, теоретичні дослідження, Україна, інтелектуальне співтовариство, українські економісти, фрагментація

The author analyses the theoretical problems of economic science development in contemporary Ukraine. The author supposes that among economists in Ukraine there are two informal groups. The supporters of old «soviet» economic science form the first group. Their opponents, adherents of «new» Western economic theories, form the second group. The relations between two groups are contradictory. The supporters of the first group prefer to ignore the methodological searches of their opponents.

Keywords: economic theory, theoretical studies, Ukraine, intellectual community, Ukrainian economists, fragmentation

Распад Советского Союза в 1991 году привел к исчезновению некогда единой советской экономической науки, которая подобно другим направлениям общественного знания являлась чрезвычайно идеологизированной, но в отличие, например, от исторической науки или литературоведения практически не знала национальных школ к союзных республиках. Экономические исследования в СССР были поставлены на службу коммунистической идеологии, которая была единственно доминирующей, а также активно использовались для легитимации проводимой экономической политики, играя свою роль в идеологической формовке и политическом воспитании советского гражданина — курсы построенной в соответствии с канонами ортодоксальной

коммунистической идеологии политической экономии преподавались во всех высших учебных заведениях. Исчезновение Советского Союза означало и конец некогда единой экономической науки. На смену идеологически выверенной советской экономической науке пришли новые национальные версии экономического знания. Примечательно, что на стартовом этапе развития экономических наук в отдельных бывших советских союзных республиках как степень их национализации, так и общий уровень развития экономических знаний были различны. Вероятно, наиболее мощные экономические школы унаследовали Российская Федерация и Украина. Несмотря на наличие общего идеологического прошлого экономические науки в новых независимых государствах развивались в значительной степени отлично одна от другой. Проблемы развития экономической науки, в первую очередь – экономической теории, в Украине после восстановления политической независимости – тема, которая относится к числу практически неизученных и неисследованных в современной Российской Федерации. Поэтому, в центре авторского внимания в этой статье – проблемы современного состояния теоретических экономических исследований в современной Украине.

Структура обзора. В рамках этого обзора Автор стремится проанализировать наиболее важные, на его взгляд, проблемы развития экономической науки в Украине – общие тенденции развития экономических знаний, основные проблемы организации экономических исследований, важнейшие периодические экономические издания, а также основные проблемы теоретического плана, которые пребывают в центре внимания украинских исследований. Эта статья не является детальным и подробным анализом истории украинской экономической науки после восстановления независимости. Поэтому, автор не анализирует многочисленные достижения украинских экономистов, которые отличаются прикладным характером.

Проблемы научной разработанности темы. В России, к сожалению, не ведется систематической исследовательской работы, направленной на изучение новейшей истории экономической науки в постсоветских государствах, что связано с некоторыми проблемами российского научного сообщества, которое отягощено многочисленными имперскими комплексами. Некоторые российские авторы ставят под сомнение факт существования украинского языка и украинской культуры, а независимая Украина воображается ими как результат некоего антирусского заговора. Поэтому, украинская экономическая наука остается в России практически неизвестной, а исследования украинских экономистов нередко воспринимаются как малозначительные

и провинциальные. Другим фактором является языковой барьер – большинство российских экономистов не знают украинского языка и поэтому лишены возможности ознакомления с новейшими статьями и монографиями украинских коллег.

Общие тенденции развития экономических знаний в Украине. Анализируя теоретические экономические исследования в Украине, во внимание необходимо принимать несколько общих тенденций развития экономического знания. Процесс экономической трансформации, отказ от административно-командной системы, строительство рыночной экономики – все эти факторы повлияли на развитие экономической теории в Украине, определив приоритетные направления, в рамках которых на протяжении 1990 – 2000-х годов работали украинские экономисты. Для украинской экономической науки, как и для российской аналогичного периода было характерно сокращение числа теоретических и методологических исследований.

Приоритетными стали те направления экономического знания, которые имели прикладное значение для реальной экономики и сферы услуг. Например, украинские экономисты, как и российские коллеги, значительное внимание уделяли тем направлениям исторического знания (менеджмент, маркетинг), для которых в рамках советской экономической науки не было места. С российской экономической наукой украинскую сближало и стремление отказаться от коммунистической идеологии. Подобно российским экономическим исследованиям, украинская экономическая наука на протяжении 1990-х годов развивалась в условиях структурного кризиса, резкого сокращения финансирования. В такой ситуации возник разрыв между украинскими экономистами старшего и молодого поколения.

Негативная динамика 1990-х годов привела к тому, что значительная часть выпускников университетов отказалась от научной деятельности. Поэтому представители среднего поколения в украинской экономической науке (впрочем, как и в российской) являются немногочисленной группой. Развитие экономических исследований в современной Украине характеризуется и некоторыми уникальными особенностями. Украинская экономическая наука, к сожалению, продолжает оставаться двуязычной. Сохранение значительной роли русского языка негативно влияет на развитие экономической науки в Украине. Украинские экономисты пребывают в состоянии некой методологической и теоретической зависимости от российской экономической науки. В такой ситуации активное использование и цитирование исследований российских экономистов в Украине, а также переводов на русский язык западной экономической классики и новейших публикаций,

негативно влияют на развитие экономических исследований в Украине. Сравнивая украинскую экономическую науку с российской, первая явно отстает и проигрывает как по числу переводных изданий, так и оригинальных исследований на украинском языке.

Анализируя развитие экономической науки в Украине после 1991 года, необходимо помнить и то, что она отставала от развития, например, исторической науки и литературных штудий. Украинская историография и литературоведение 1990 – 2000- испытали сильнейшее влияние как со стороны гуманитарной науки украинской диаспоры, так и западного гуманитарного знания в целом. Особую роль сыграло и возвращение к тем теориям и концепциям, который в СССР воспринимались как идеологически неправильные и буржуазно-националистические. Позитивную роль этого интеллектуального практически невозможно переоценить.

К сожалению, среди ученых диаспоры в США и Канаде практически нет исследователей украинского отношения. Поэтому экономическая наука в Украине не могла даже надеяться на содействие со стороны диаспоры. Влияние на украинскую экономическую науку со стороны деятелей украинского национального движения было также минимально, хотя Автор признает, что сама возможность поиска истоков современной экономической науке в Украине в работах Дмитра Донцова, Мыколы Михновського, Стэпана Лэнкавського и других националистов является не только дискуссионной, но и продуктивной областью историко-экономических штудий, которые ждут своих исследователей.

В ситуации русскоязычного доминирования, слабой связи с национально ориентированной украинской гуманитарной и политической традицией прошлого, отсутствия позитивных влияний со стороны диаспоры, которые могли бы содействовать украинизации экономической науки и ее методологическому перевооружению, экономические исследования в независимой Украине развиваются неравномерно. Украинская экономическая наука функционирует как в значительной степени фрагментированная, провинциальная, изолированная и зависимая от российского влияния. Подобные родовые травмы украинских общественных и гуманитарных наук, например, успешно преодолены в историографии и литературоведении. Экономическая наука, наоборот, продолжает страдать от многочисленных комплексов и уже упомянутых противоречий, которые отражаются как в организации экономического знания, так и в развитии его отдельных направлений.

Организационные измерения экономической науки в Украине. Современная экономическая наука в Украине в организационном плане представлена как старыми созданными в советский период организациями, так и новыми исследовательскими центрами. Наличие советского наследия содействует значительным деформациями в развитии экономических исследований в Украине. Среди научных организаций доминируют государственные, которые существуют в структуре НАН, являясь наследниками советских институтов. Крупнейшим несоветским по своему характеру институтом является Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (Інститут економіки та прогнозування Національної академії наук України), созданный в 2005 году на базе Института экономического прогнозирования (Інститут економічного прогнозування). В структуре Института действуют подразделения, которые занимаются изучением проблем теоретического и методологического плана – Отдел экономической теории (Відділ економічної теорії), Отдел экономической истории (Відділ економічної історії) и Отдел экономического роста и структурных изменений в экономике (Відділ економічного зростання та структурних змін в економіці)¹. В структуре НАН также существуют Институт мировой экономики и международных отношений (Інститут світової економіки і міжнародних відносин)², Институт экономико-правовых исследований (Інститут економіко-правових досліджень)³. Некоторые специализированные исследовательские институты существуют в регионах: например, во Львове действует Институт регионального развития (Інститут регіонального розвитку)⁴, организованный в 1994 году на базе Львовского отделения Института экономики НАН Украины, созданного еще в 1964 году; в Донецке – Институт экономики промышленности⁵, возникший в 1959 году, а в 1969 – переданный в структуры АН Украинской ССР как отделение Института экономики. Кроме государственных организаций научную и исследовательскую деятельность в сфере экономики ведут и новые, негосударственные институты. Крупнейшими из них являются Львовский экономический фонд (Львівська економічна фундація)⁶; Аналитический центр «Новая экономика» (Аналітичний центр «Нова економіка»)⁷; созданный в 2009 году; Киевский экономический научный центр (Київський економічний науковий центр)⁸; Открытое научное объединение «Economics» (АР Крым)⁹, Институт эволюционной экономики¹⁰. Среди других организаций – Львовская бизнес школа (Львівська бізнес-школа)¹¹, созданная при Католическом Университете, и Факультет экономических наук (Факультет економічних наук)¹², созданный в

Современная украинская научная экономическая периодика имеет ряд характерных черт. Большинство журналов не имеют тематической направленности, предпочитая публиковать статьи, посвященные самому широкому спектру проблем – от экономической теории до бухгалтерского учета и аудита. Такая широкая тематическая направленность негативно влияет на качество украинской экономической периодики. Специализированные издания, посвященные, например, региональной экономике или проблемам развития немногочисленны или отсутствуют вовсе. В современной Украине практически нет специализированных журналов, посвященных экономической теории. Те журналы, которые позиционируют себя как теоретические, таковыми фактически не являются. К сожалению, в Украине отсутствуют специализированные издания по политической экономии. Проблемы, связанные с политической экономией, практически не анализируются в большинстве украинских экономических журналов.

Украинская экономическая периодика развивается консервативно, изолировано и провинциально: в большинстве журналов публикуются посредственные статьи, значительная часть статей имеет практикоориентированный характер, теоретический уровень подобных журналов продолжает оставаться низким, переводы с иностранных языков практически отсутствуют, публикации, посвященные истории экономической мысли и проблемам современной экономической теории за рубежом немногочисленны. Позитивная динамика характерна для незначительной части журналов, которые издаются в Киеве, Харькове или в западноукраинских областях местными университетами или независимыми научно-исследовательскими институтами. Такое соотношение традиционных постсоветских журналов и новаторских периодических изданий, вероятно, будет сохраняться и в будущем, хотя нельзя исключать и того, что часть традиционной научной периодики отомрет и ее место займут качественные журналы, ориентированные на Запад, а не на культивирование провинциальных комплексов неосоветской экономической науки.

Фрагментация научного пространства. Исходной методологической посылкой автора в изучении современных экономико-теоретических исследований в Украине является: экономические исследования развиваются неравномерно, а исследовательское пространство – фрагментировано. Поэтому, в украинской экономической науке необходимо выделять два течения – 1) неосоветское или постсоветское традиционное и сугубо описательное и 2) национальное методологически ориентированное на лучшие примеры развития экономической теории на Западе. Эта фрагментация имеет и региональное из-

мерение: большинство публикаций неосоветского типа выходит в академических, многочисленных региональных и преимущественно восточноукраинских изданиях.

Неосоветская, нормативная экономическая теория. Значительную часть статей в современных экономических украинских журналах составляют статьи, которые можно отнести к неосоветской нормативной экономической теории. Термин «нормативная» заимствован нами из исторической науки. В современной гуманитарной традиции под нормативной историографией понимают преимущественно описательную и фактически неосоветскую историографию, которая использует устаревший терминологический аппарат и методологический инструментарий. Современная нормативная экономическая теория в ее украинской версии характеризуется некоторыми чертами. Нормативная экономическая теория преимущественно русскоязычна. Адепты и сторонники старой методологии предпочитают писать на русском языке, что содействует как разрыву с общими тенденциями развития общественных наук в Украине, так и постепенной маргинализации нормативной экономической теории.

Для нормативной экономической теории в Украине характерен значительный интерес к неким «общим» проблемам экономической науке – социально-экономической среде, стратегическому развитию. Некоторые тексты, которые могут быть отнесены к нормативной экономической теории, перегружены формулами, статистическими данными. Большинство статей, которые публикуются в многочисленных центральных и региональных журналах, характеризуются низким аналитическим уровнем: например, в одной из статей Я.Г. Берсуцкого и В.П. Горшкова вывод низведен до констатации того, что «экономическая система как объект управления представляет собой сложный динамически изменяющийся объект, поведение которого зависит не только от изменения элементов (предприятие, объединение и т.д.), но и от свойств среды»²⁰.

Вероятно, некий особый смысл вкладывается экономистом О.Т. Евтухом в констатацию того, что «ефективність функціонування будь-якої системи базується на певних нормах і нормативах»²¹ или утверждения Л.М. Кузьменко и М.А. Солдака «выделение депрессивных территорий в Украине преимущественно происходит на основании оценки показателей экономического и социального развития»²² претендуют на то, чтобы стать новым словом в экономической науке. Нормативная экономическая теория в Украине продолжает активно использовать язык лозунга, унаследованный от советской науки, что негативно влияет на общетеоретический уровень значительной части

работ современных украинских экономистов. Например, В.М. Тисунова в лучших советских традициях декларирует, что «научно обґрунтована політика регіонального розвитку в сучасних умовах стає реальним гарантом економічної, соціальної та екологічної безпеки, а зрештою – гарантом національної безпеки»²³.

Подобные констатации сближают некоторые тексты современных украинских экономистов в советском экономическом дискурсе с той лишь разницей, что речь идет не о строительстве коммунизма, а об укреплении национальной безопасности. Это еще раз свидетельствует о непосредственной генетической связи между старой советской экономической наукой и современными экономическими исследованиями в Украине. Внешняя мимикрия научного дискурса проявилась исключительно в смене языка, иных акцентах, но теоретический уровень статей остался прежним. Другие представители нормативной экономической теории также не отличаются значительной оригинальностью.

Экономисты П.П. Мазурок и О.П. Гузенко, например, предпочитают в своих текстах пересказывать идеи других экономистов, а их статьи становятся «собранием общих мест», наполненными утверждениями о том, что «формирование национальной экономики не может состояться без человеческого капитала»²⁴. В такой ситуации нормативная экономическая теория деградирует до уровня примитивной схематизации, описательности, языка учебника, а не научной статьи. Для нормативной экономической теории характерно и непосредственное цитирование учебников, в том числе – и для статей, которые публикуются в академических журналах²⁵. Некоторые украинские историки предпочитают даже не цитировать, а ограничиваться весьма вольным пересказом идей, которые они позаимствовали из российских публикаций. Примером подобной нормативной экономической теории является уже упомянутая статья Я.Г. Берсуцкого и В.П. Горшкова²⁶, авторы которой цитируют только девять источников: из них все на русском языке, а шесть были изданы до 1991 года, что в целом иллюстрирует методологический уровень статьи.

Альтернативные интерпретации. Современная экономическая наука в Украине не ограничивается исключительно неосоветскими нормативными изысканиями. Часть украинских экономистов стремится расширить число изучаемых проблем, активно использовать теории и методы, предложенные западными экономистами. Примечательно и то, что ситуация в современной украинской экономической теории очень похожа на развитие российской историографии: если историк занимается изучением истории России, то он, как правило, консерва-

тивен, идеологически выверен и создает исключительно линейные версии и схемы истории; если он занимается изучением всеобщей истории, то его методологический инструментарий и теоретический аппарат в большей степени соотносится с магистральными тенденциями в развитии зарубежной историографии.

Украинская историография на протяжении 1990-х годов смогла преодолеть подобные «родовые травмы» распада советской модели гуманитарного знания. То, что смогли сделать украинскими историки, оказалось невозможным в украинской экономической теории. Поэтому альтернативные версии восприятия экономической теории и истории остаются малочисленными. На фоне описательных и несоветских исследований большинства украинских экономистов выделяются редкие статьи их коллег, посвященные, например, экономикам зарубежных стран, а также проблемам экономической истории и методологическим аспектам изучения экономической теории. Благоприятные условия для междисциплинарного синтеза, отказа от несоветских интерпретаций и восприятия экономических процессов сложились в изучении транзитных экономик. Статьи Н.М. Грущинской²⁷, например, характеризуются широкой географией стран, которые исследуются. Анализ украинской экономики в широком восточноевропейском контексте может оказаться полезным для преодоления тенденций провинциализации украинской экономической теории.

Интересными можно признать попытки изучения истории украинской экономики, предпринятые, например, Т.И. Деревянкиным²⁸, работы которого написаны на стыке нормативной экономической теории и альтернативных интерпретаций. С одной стороны, следуя традициям нормативной экономической теории Т.И. Деревянкин активно использует статистические данные и различные клише, унаследованные от советской экономической науки. Широкие хронологические рамки некоторых исследований, не совсем корректные с исторической точки зрения термины – это проявления процесса постепенного преодоления негативной динамики, унаследованной от советской экономической науки. С другой стороны, необходимо приветствовать попытки национализации украинской экономической истории, хотя автору не хватает смелости для ее окончательного выделения из советского экономического контекста.

Исследования истории экономики Волыни, которыми занимаются луцкие авторы В.В. Висин, Т.Н. Висина²⁹, Я. Мартынюк³⁰, являются удачным примером синтеза методов исторической и экономической науки. Статьи Я. Мартынюка интересны как попытка перенести на

украинскую почву методы региональной истории и частично микроистории. Статьи Я. Мартынюка сохраняют некоторую степень традиционности, но сам факт их появления является позитивным событием, так как свидетельствует о том, что региональное измерение украинской экономики начинает восприниматься не только в исключительно прикладном и практическом, но и в историческом аспекте. Удачными попытками междисциплинарного синтеза могут быть признаны, например, статьи Н.И. Корэцкой, посвященные проблемам истории денежно-кредитной системы Канады³¹ и написанные на основе синтеза как экономических, так и исторических методов исследования. Приверженцы альтернативной экономической теории уделяют значительное внимание экономической истории, анализируя, например, различные модели экономического развития³², активно используя экономическую классику. Именно обращение к экономической классике и англоязычным исследованиям гарантирует качественно другой уровень таких публикаций.

Выводы и перспективы дальнейшего изучения проблемы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием экономических исследований в современной Украине.

Современная экономическая наука в Украине является наследницей советской экономической теории. Поэтому Украина унаследовала консервативную систему организации экономических исследований, которая представлена академическими научно-исследовательскими институтами в структуре Национальной Академии Наук, экономическими факультетами классических университетов и специализированными экономическими высшими учебными заведениями. Большинство экономических исследований выполняется в структуре академических институтов и в университетах. Роль новых институций (различных фондов и общественных организаций) на современном этапе в Украине маргинальна: они не могут конкурировать со «старыми» традиционными академическими институтами и университетами.

Экономическая наука в Украине имеет очень серьезные проблемы с собственным имиджем как в стране, так и в мире. Украинцев нет среди лауреатов Нобелевской премии по экономике. Среди западных экономистов XX века нет ученых украинского происхождения. Единственным исключением является американский экономист Саймон Кузнец, который не был «воображен» украинскими интеллектуалами как украинский экономист. В деле национализации Саймона Кузнеця, которая не состоялась, вероятно, уже пройдена точка невозврата. К сожалению, нет всемирно известных украинских экономистов-

теоретиков. Новейшая история экономической науке в Украине не знает фигур масштаба Егора Гайдара. Поэтому, в Украине практически отсутствуют независимые экономические исследовательские институты, которые могут производить интеллектуальный продукт достаточно высокого качества.

Украинская экономическая периодика характеризуется значительным разнообразием, но не качеством текстов, которые представлены в экономических журналах. Большинство специализированных экономических изданий в Украине (впрочем, как и в России) являются «братскими могилами» – журналами, в которых публикуются специально для защиты кандидатской / докторской диссертации и которые никто (в лучшем случае кроме авторов и научных руководителей / консультантов) не читает. Тематика большинства журналов чрезвычайно широка, специализированные издания практически отсутствуют, а методологический и теоретический уровень статей ориентированных преимущественно на изучение экономики предприятий, банковского сектора, аудита, бухгалтерского учета остается низким. Большинство украинских экономических журналов не имеют узкой специализации – поэтому методологически и теоретически они бесцветны. Те периодические издания, которые претендуют на статус теоретических, нередко предпочитают публиковать статьи, написанные в духе нормативизма: структуры подобных текстов традиционны, они перегружены новейшими статистическими данными или различными математическими формулами, их авторы активно ссылаются на русскоязычные издания, игнорируя западные публикации.

Последний фактор играет особую роль в развитии современной украинской экономической теории. Украинская экономическая теория развивается в лучших традициях советской науки – провинциально и изолировано. Консервативно ориентированные представители научного сообщества вообще не видят смысла в ознакомлении украинской аудитории с зарубежными экономическими теориями, вероятно, пребывая в наивной уверенности того, что их собственной зависимости от российской экономической науки вполне достаточно. В Украине практически не издаются на украинском языке книги ведущих зарубежных экономистов, а целые национальные школы в экономической теории (например, итальянская, бразильская, аргентинская) остаются для украинских экономистов практически неизвестными. Российские переводы западной экономической классики и современных исследований играют позитивную роль в приобщении украинских экономистов к мировым тенденциям в развитии украинской науки, но не могут заполнить вакуум украиноязычных публикаций.

Экономическая наука в современной Украине развивается фрагментировано. Фрагментация имеет несколько измерений и проявляется как в тематике, так и в качестве публикаций многочисленных экономических журналов. Первое измерение фрагментации экономического знания является географическим. Исследования экономистов из западных регионов Украины, Киева и Харькова теоретически и методологически превосходят публикации исследователей из Восточной Украины. Для экономистов первой группы характерен интерес как к зарубежным экономическим теориям, так и попытки предложить новый язык для экономической науки, сформулировать ее новые методологические и теоретические принципы. Экономисты второй группы продолжают издавать свои исследования на русском языке, что содействует их маргинализации в общеукраинском интеллектуальном контексте. Второе измерение фрагментации является методологическим. Часть представителей украинского исследовательского экономического сообщества стремится использовать методы, предложенные западными экономистами, что сближает украинскую экономическую теорию с мировым научным мейн-стримом. Другие украинские экономисты, среди которых много ученых старшего поколения, используют несоветские исследовательские методы, что содействует маргинализации экономической науки, ее трансформации в преимущественно описательную и нормативную.

На протяжении 1990 – 2000-х годов, после восстановления государственности экономическая наука в Украине в условиях сохранения значительного числа проблем обрела опыт независимого развития. Возможное будущее развития украинской экономической теории может быть сведено к двум сценариям: 1) дальнейшее инерционное развитие при сохранении диспропорций и российского влияния; 2) постепенная национализация экономических исследований, теоретическое и методологическое приобщение к мировой экономической науке в условиях ликвидации российского доминирования в сфере научной и учебной литературы и активной издательской деятельности, направленной на публикацию на украинском языке как западных, так и российских работ. Второй вариант является более предпочтительным, но его реализация натолкнется на многочисленные трудности, связанные с реорганизацией институционального измерения экономических исследований в Украине и ревизией принципов издания специализированных экономических журналов. Реализация первого или второго вариантов развития экономической науки в Украине зависит как от степени национальной консолидации исследовательского сообщества,

позиции украинской диаспоры, так и государственной политики в сфере высшего экономического образования и науки.

¹ См. официальный сайт Института экономики и прогнозирования Национальной Академии Наук Украины – <http://www.ief.org.ua/index.htm>

² См. официальный сайт Института мировой экономики и международных отношений Национальной Академии Наук Украины – <http://www.iweir.org.ua/>

³ См. официальный сайт Института экономико-правовых исследований Национальной Академии Наук Украины – <http://www.iepd.dn.ua/>

⁴ См. официальный сайт Института регионального развития – <http://irr.org.ua/>

⁵ См. официальный сайт Института экономики промышленности – <http://iep.donetsk.ua/>

⁶ См. официальный сайт Львовского экономического фонда – <http://www.lef.lviv.ua/>

⁷ См. официальный сайт Аналитического центра «Новая экономика» – <http://www.nef.kiev.ua/>

⁸ См. официальный сайт Киевского экономического научного центра – <http://kyiveconomiccenter.org.ua/>

⁹ См. официальный сайт Открытого научного объединения «Economics» <http://www.economics.crimea.ua/>

¹⁰ См. официальный сайт Института эволюционной экономики – <http://iee.org.ua/>

¹¹ См. официальный сайт Львовской бизнес-школы – <http://www.lvbs.com.ua/>

¹² См. официальный сайт Факультета экономических наук НАУКМА – <http://www.ukma.edu.ua/index.php/fakultet-ekonomichnikh-nauk>

¹³ Название, организация-издатель, год начала издания: «Економічна теорія» (Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2003), «Проблеми економіки» (Науково-дослідний центр індустріальних проблем розвитку НАН України, 2009), «Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України» (Інститут регіональних досліджень НАН України, 2008), «Вісник економічної науки України» (Інститут економіки промисловості НАН України), «Вісник Інституту економіко-правових досліджень НАН України» (2009), «Економіка і прогнозування» (Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2000), «Економіка промисловості» (Інститут економіки промисловості НАН України, Інститут регіональних досліджень НАН України, 1998), «Економічні інновації» (Інститут проблем ринку та економіко-екологічних досліджень Національної академії наук України, 1998).

¹⁴ Название, организация-издатель, год начала издания: «Економіка України» (Міністерство економіки України, Міністерство фінансів України, Національна академія наук України, 1957); «Економіка та держава» (Інститут підготовки кадрів державної служби зайнятості України, 2003); «Сучасна економіка» (Державний інститут підготовки кадрів, 2010).

¹⁵ Название, организация-издатель, год начала издания: «Економічна та соціальна географія» (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2007), «Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія: Економіка» (1958), «Наукові записки НАУКМА. Серія: Економічні науки» (1996), «Актуальні проблеми економіки» (Національна академія управління, 2000), «Економічний часопис-XXI» (Інститут суспільної трансформації, 1996), «Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 18. Економіка і право» (2004)

¹⁶ Название, организация-издатель, год начала издания: «Наукові праці Кіровоградського національного технічного університету. Економічні науки» (2001), «Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: Економіка» (1999), «Економічний вісник університету» (Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди, 2006), «Економічний простір» (Придніпровська державна академія будівництва та архітектури, 2007), «Вісник Донецького університету економіки та права» (2000), «Вісник Харківського національного аграрного університету ім. В.В. Докучаєва. Серія економічні науки» (1997), «Економічний вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут» (2004), «Вісник Криворізького економічного інституту» (2004).

¹⁷ Название, организация-издатель, год начала издания: «Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Економіка і менеджмент» (2010), «Вісник Східноєвропейського університету економіки і менеджменту» (Східноєвропейський університет економіки і менеджменту, 2007), «Економіка і управління» (Європейський університет, 1998), «Економіка. Фінанси. Право» (Академія муніципального управління, 1994), «Економіст» (Приватне підприємство «Колегіум», 1996), «Європейський вектор економічного розвитку» (Дніпропетровський університет економіки та права імені Альфреда Нобеля, 2005), «Науковий вісник Академії муніципального управління» (2004).

¹⁸ Название, организация-издатель, год начала издания: «Економіка та підприємництво» (Київський національний економічний університет, 1997), «Економіка ринкових відносин» (Київський університет ринкових відносин, 2007), «Соціально-економічний розвиток регіонів у контексті міжнародної інтеграції» (Херсонський національний технічний університет, 2011), «Економіка і регіон» (Полтавський національний технічний університет ім. Ю. Кондратюка, 2003), «Економіка АПК» (1994), «Часопис економічних реформ»

(Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля, 2010), «Вісник соціально-економічних досліджень» (Одеський національний економічний університет, 2002), «Механізм регулювання економіки» (Сумський державний університет; Центр економічних досліджень; Академія підприємництва і менеджменту України, 1999).

¹⁹ Название, организация-издатель, год начала издания: «Аграрна економіка» (Львівський державний аграрний університет, 2007), «Економічний форум» (Луцький національний технічний університет, 2010), «Економічні науки. Серія: Економічна теорія та економічна історія», «Економічні науки. Серія: Регіональна економіка» (Луцький національний технічний університет), «Економічний аналіз» (Тернопільський національний економічний університет, 1993), «Інноваційна економіка» (Тернопільський інститут агропромислового виробництва НААН України, 2006), «Вісник Тернопільського національного економічного університету» (1996).

²⁰ Берсуцкий Я.Г., Горшков В.П. Социально-экономическая среда и ее свойства / Я.Г. Берсуцкий, В.П. Горшков // Вісник Донецького університету економіки та права. – 2009. – № 2.

²¹ Євтух О.Т. Сучасна теорія економічного нормування як основа управління в економіці / О.Т. Євтух // Актуальні проблеми економіки. – 2011. – № 3. – С. 3 – 12.

²² Кузьменко Л.М., Солдак М.А. О международном опыте решения региональных проблем / Л.М. Кузьменко, М.А. Солдак // Вісник ІЕПД НАН України. – 2010. – № 1. – С. 13 – 17.

²³ Тісунова В.М. Формування стратегії розвитку економіки регіону / В.М. Тісунова // Вісник ІЕПД НАН України. – 2011. – № 1. – С. 19 – 24.

²⁴ Мазурок П.П., Гузенко О.П. Дослідження основних аспектів стратегічного розвитку національної економіки в контексті людського капіталу / П.П. Мазурок, О.П. Гузенко // Вісник Криворізького економічного інституту КНЕУ. – 2010. – № 2. – С. 3 – 7.

²⁵ Василенко В.Н. Пространственные особенности межрегиональных измерений структурных изменений в экономическом развитии / В.Н. Василенко // Вісник ІЕПД НАН України. – 2011. – № 1. – С. 5 – 13.

²⁶ Берсуцкий Я.Г., Горшков В.П. Социально-экономическая среда и ее свойства / Я.Г. Берсуцкий, В.П. Горшков // Вісник Донецького університету економіки та права. – 2009. – № 2.

²⁷ Грущинська Н.М. Особливості перехідних економік та їхній вплив на сучасні глобалізаційні процеси / Н.М. Грущинська // Актуальні проблеми економіки. – 2009. – № 3. – С. 3 – 8.

²⁸ Дерев'янкін Т.І. Відродження і спроби перебудови радянської економіки у післявоєнний період (1946 – 1991) / Т.І. Дерев'янкін // Актуальні проблеми економіки. – 2009. – № 7. – С. 3 – 14.

²⁹ Вісин В.В., Вісина Т.Н. Історико-економічні аспекти класифікації кооперативних установ на Волині у 1861 – 1939 рр. / В.В. Вісин, Т.Н. Вісина // Економічний форум. – 2012. – № 1.

³⁰ Мартинюк Я.М. Фінансове та кадрове забезпечення роботи органів самоврядування на Волині (1919 – 1939 рр.) / Я.М. Мартинюк // Економічний форум. – 2011. – № 1.

³¹ Корецька Н.І. Історичні аспекти розвитку грошово-кредитної системи Канади / Н.І. Корецька // Економічний форум. – 2012. – № 1.

³² Блонська О.Л. Генезис моделей економічного розвитку на різних історичних етапах / О.Л. Блонська // Економічні науки. Серія «Економічна теорія та економічна історія». Збірник наукових праць ЛНТУ. – Луцьк, 2010. – Вип. 1.

ПЕРЕВОДЫ

Амилкар КАБРАЛ

КРАТКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «ПОРТУГАЛЬСКОЙ» ГВИНЕИ*

Автор анализирует проблемы развития колониализма, отношения между различными социальными группами, процессы размыwania старых социальных традиций. Проблемы классовой борьбы, разрушение традиционных культур анализируются в статье. Автор анализирует генезис социальных и классовых противоречий. Особое внимание уделено формированию новых классов в колониальных обществах.

Ключевые слова: колониализм, угнетение, социальные классы, формирование буржуазии

Автор аналізує проблеми розвитку колоніалізму, відносини між різними соціальними групами, процеси розмивання старих соціальних традицій. Проблеми класової боротьби, руйнування традиційних культур аналізуються в статті. Автор аналізує генезу соціальних і класових суперечностей. Особлива увага надана формуванню нових класів в колоніальних суспільствах.

Ключові слова: колоніалізм, пригноблення, соціальні класи, формування буржуазії

The author analyses the problems of colonialism development, relations between different social forces, and processes of old social traditions destruction. The problems of class struggle, destruction of traditional cultures are also analyzed in the article. The author analyses genesis of social and class contradictions. The special attention is spared to new classes forming in colonial societies.

Keywords: colonialism, oppression, social classes, bourgeoisie formation

Анализ социальной структуры Гвинеи может стать фундаментом нашей борьбы за национальное освобождение. Мы должны внимательно изучать различные социальные состояния и избегать их противопоставления. Следовательно, в сельской местности мы можем выявить, с одной стороны, группу, которую можно охарактеризовать как частично феодальную, представленную народом фула. С другой стороны, есть народ баланта, который можно было бы назвать обществом «без государства». Существуют также промежуточные состояния между этими двумя этническими крайностями. Тогда как в целом можно отождествить исламистов с полуфеодальными отношениями, а анимизм – с отсутствием какого-нибудь негосударственного строя, следует признавать, что среди сторонников анимизма существует этническая группа мандяки, которая уже на момент прибытия португальцев демонстрировала признаки феодального строя.

Какова социальная стратификация народа фула? Для начала мы рассмотрим группу вождей, привилегированный слой и религиозную

* Первое издание: Cabral A. *Unite et lutte* / A. Cabral. – Paris, 1973. – P. 139 – 149. Печатается по: Кабрал А. Коротка аналіза соціальної структури «португальської» Гвінеї / А. Кабрал. – (<http://vpered.wordpress.com/2012/10/08/cabral-breve-analyse/>). Сокращенный перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

верхушку, потом — ремесленников и дяула, которые представляют собой многочисленных торговцев, и наконец поговорим о крестьянах. Вожди и их окружение, невзирая на сохранение традиций коллективного владения землей, имеют весомые привилегии относительно прав собственности на землю и использование труда других членов группы. В результате этого крестьяне, зависимые от вождя, вынуждены работать на него на протяжении определенного периода ежегодно. Ремесленники занимают важное место в социально-экономической системе народа фула и являются кузнецами или занимаются обработкой шкур. Группа дяула, которую некоторые исследователи считают стоящей выше ремесленников, не играет важной роли. Однако они имеют определенные возможности для накопления денег. Группа крестьян по большей части является бесправным и эксплуатируемым классом внутри народа фула...

На противоположном полюсе, среди народа баланта, мы видим общество, где право принимать решения, которые влияют на жизнь этого сообщества, имеет лишь совет старейшин и общие собрания. В баланта земля является собственностью поселка, но каждая семья получает надел земли для питания; орудия труда, в частности инструмент, принадлежат семье или отдельному человеку. Народ баланта, невзирая на сильную тенденцию к полигамии, является сообществом преимущественно моногамным. Женщины принимают участие в производстве и используют результаты своего труда, что ставит их в привилегированное положение, поскольку их свобода является реальной. Однако эта собственность не распространяется на их детей... В этом следует искать влияние экономических причин, поскольку сила семьи зависит в первую очередь от количества рабочих рук.

Существует меньшинство, которое составляют африканские мелкие собственники, и оно занимает промежуточное положение. Эта группа является достаточно важной, поскольку активно участвует в борьбе за национальное освобождение. Присутствие европейцев в сельской местности близко к нулевому уровню.

В городах сосуществуют две четко очерченные группы: с одной стороны, европейцы, с другой — африканцы. Первых можно легко выделить, обычно, учитывая их деятельность, которую они осуществляют, благодаря социальной стратификации, которая существует в Португалии. На наивысшей ступени находятся высокопоставленные чиновники и директора предприятий, которые образуют прослойку, отделенную от остального европейского населения. Ниже на социальной лестнице расположены чиновники среднего уровня, мелкие коммерсанты, работники торговых предприятий и представители свобод-

ных профессий. Наконец, на самой низшей ступени — квалифицированные рабочие.

Среди африканцев первую группу составляют должностные лица высшего и среднего уровней, представители свободных профессий, затем — мелкие чиновники, наемные работники торговых заведений, которые работают по договору (следует отделять эту группу от тех, кто работает без договора, кого могут выбросить вон каждую секунду). Мелкие землевладельцы, которых по аналогии называют «африканской мелкой буржуазией», также принадлежат к этой группе... первые из вышеназванных категорий также принадлежат к мелкой буржуазии... что касается наемных рабочих, то большой вес в этой группе имеют портовые рабочие, матросы судов, которые транспортируют товары и сельскохозяйственную продукцию. Также можно упомянуть слуг, по большей части мужчин, рабочих ремонтных мастерских и маленьких фабрик, разнорабочих сотрудников магазинов. Все эти группы — часть наемной рабочей силы. Однако мы избегаем называть эту группу рабочим классом или пролетариатом. Следующая группа — деклассированные элементы, которые могут быть разделены на две подгруппы: первая из них не совсем заслуживает такого названия, но для нее мы не смогли изобрести лучшего определения. Вторую подгруппу достаточно легко идентифицировать, и она могла бы называться люмпен-пролетариатом, если бы в Гвинее существовал пролетариат с классовым сознанием; она включает попрошайек, бродяг, проституток. Первая подгруппа, которой мы должны уделить все наше внимание, занимает значительное место в борьбе за национальное освобождение. Она по большей части формируется из большого количества молодых людей, которые недавно приехали из села, с которым они хранят тесные связи, и одновременно вступают в контакт с европейским образом жизни. Часто они не имеют ни одной профессии и живут за счет своих семей из числа мелкой буржуазии и рабочих. Следует отличать семейные связи в Европе от связей, распространенных в Африке. Например, некоторые традиции и обычаи требуют, чтобы дядя гостеприимно принимал своего племянника из села. Таким способом образуется прослойка лиц, которые имеют опыт жизни в городе и играют важную роль.

Фула стали завоевателями Гвиней: португальцы сделали их своими сообщниками во время своего завоевания... Их сила зависит полностью от власти португальцев. Ремесленники также находятся в сильной зависимости от своих вождей и по большей части отдают собственные изделия представителям высших слоев общества, которые присваивают результаты их труда. Среди них некоторые доволь-

ны существующим положением, тогда как другие – нет. Последние демонстрируют по большей части негативное отношение к португальскому колониализму.

Группа джаула в Гвинее – нестабильный субъект, торговец без постоянного рода занятий. Его главная цель – защита собственных интересов. В то же время их подвижность может быть использована для работы... Достаточно лишь предложить им какое-то вознаграждение, поскольку они не желают работать без выгоды для себя...

Относительно африканской мелкой буржуазии, здесь мы должны выделить три подгруппы. Первая группа – те, кто ориентируется на компромисс или соглашение с колониализмом. К этой группе принадлежит большинство высокопоставленных чиновников и чиновников среднего уровня, представителей свободных профессий. Есть вторая группа, которую мы, по-видимому, не очень обоснованно называем революционной мелкой буржуазией, поскольку именно она стала носителем идеи национального освобождения. И, наконец, третья группа, которая занимает промежуточное положение и постоянно колеблется между португальцами и идеей национального освобождения. Что касается класса наемных работников, которые являются приблизительным аналогом европейского пролетариата, большая часть из них поддерживает идеи борьбы, хотя по своему способу мышления приближается к мелкой буржуазии и больше ориентируется на защиту собственных достижений. Сознательно или бессознательно деклассированные элементы выступают откровенно против борьбы. Бродяги, попрошайки, проститутки работают как информаторы португальской полиции. Напротив, группа, которую сложно классифицировать, это – молодежь, которая, храня свои связи с селом и, контактируя с португальцами в городах, имеет возможность сравнить жизнь своих близких и португальцев, оценив при этом жертвы африканцев. Эта группа активно участвует в борьбе за национальное освобождение...

**ЕСЛИ КТО-ТО ХОЧЕТ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ МАРКСИЗМА,
ЕМУ ПРИДЕТСЯ СНАЧАЛА ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ КАПИТАЛИЗМА***

– Насколько мне известно, Вы не занимались полевыми исследованиями на заводах после 1990-х годов, но все же не могли бы вы рассказать, какие изменения произошли за последние 20 лет в сравнении с тем, что вы наблюдали на фабриках Замбии, Чикаго, Венгрии, России в 70-е, 80-е, 90-е годы? Можно ли говорить о появлении новых форм эксплуатации и новых формах сопротивления?

– Конечно, я не был на фабриках постсоветского пространства и не имею много связей с местными рабочими движениями. Зато я особенно интересовался движениями в Бразилии, Индии, Северной Африке, куда часто путешествовал, и в Китае. На мой взгляд, в этих странах происходили очень интересные противоречия. Некоторые из них действительно были формой сопротивления рабочего класса, но некоторые из этих великих противостояний сосредотачивались вокруг борьбы за доступ к природным ресурсам, земле и воде, в Северной Африке – к электричеству. Ресурсы, которые раньше воспринимались как безусловная данность, были экспроприированы – процесс, который мы можем назвать «накопление путем отдаления (лишения прав собственности)» (*accumulation through dispossession*). Думаю, важно понять связь такой борьбы со старыми формами сопротивления эксплуатации. Людей лишили средств существования, следовательно, пополнился резерв труда, что привело к усилению эксплуатации.

В некоторых частях мира количество промышленной рабочей силы действительно сократилась, то есть занятость в промышленности стала доступной еще меньшему количеству населения. На мой взгляд, сопротивление отчуждению и маргинализации в действительности

* Печатается по: Майкл Буравой: «Якщо хтось хоче позбутися марксизму, йому доведеться спочатку позбутися капіталізму» // Спільне: журнал соціальної критики. – 2012. – № 4. – С. 34 – 38. – (<http://commons.com.ua/?p=12985>). Интервьюировал профессор Володымыр Ищенко, расшифровка и перевод на украинский язык Натальи Федоровой. Перевод с украинского на русский М. Казариновой.

стали причиной усиления эксплуатации, и, вероятно, уменьшили возможность классовой борьбы в традиционном смысле.

Интересным примером является характер изменения классовой борьбы в США. За последние 20 лет рабочее движение ослабло, и в конце века AFL-CIO (Американская федерация труда/Конгресс промышленных производств) столкнулся с необходимостью переосмыслить свою стратегию. Внутри самого AFL-CIO существовали большие разногласия и противостояния, и организация фактически, раскололась. Тогда речь шла о том, на самом ли деле AFL-CIO должен сосредотачиваться на организационной работе, или просто положиться на то, что сотрудники поднимутся сами. Это было результатом смещения количества работников-членов профсоюзов.

Значит новые профсоюзы, связанные с SEIU (Международный профсоюз работников сферы обслуживания), разработали множество новых стратегий для привлечения к рабочему движению, в особенности, иммигрантов. Если раньше иммигранты были единственной группой, которую невозможно было организовать, то теперь именно они стали теми, кого только и можно было организовать. Было много интересных классовых противостояний, например, в Калифорнии, где разрушительной силой стали иммигранты и работники государственного сектора.

То есть изменилась сфера, в которой происходит классовая борьба, но также и тип работников-участников борьбы; теперь большинство из них работают в обслуживании и госсекторе. 1 мая 2006 года очень неожиданно для всех миллионы сотрудников вышли на улицы. Преимущественно это были легализированные или не легализированные иммигранты, которые в определенном смысле объединили классовую борьбу и борьбу за общественные права. Это было совсем ново, и все подумали – ну вот, это начало новой эры. Но на самом деле ничего подобного мы после этого больше не видели, и теперь всем интересно, будет ли продолжение.

А вот в Северной Африке в 2008 году произошли ксенофобские противостояния. Борьба состояла в нападениях преимущественно североафриканских работников, которые часто были безработными или полубезработными, на мигрантов из других стран Африки. Некоторые части Северной Африки необычайно популярны среди мигрантов, ведь экономическая ситуация там одна из самых благоприятных на континенте. Эта борьба была совсем не такой, как в США. Профсоюзного движения почти не было, и участниками были безработные или полубезработные, которые пытались защитить свой доступ к труду. Интересно то, что рабочее движение было очень влиятельным в Се-

верной Африке во времена апартеида, было основой борьбы против этого режима. Во времена после апартеида рабочее движение начало становиться походим на корпорацию, всё больше возрастало с государством и имело очень ограниченное виденье организации безработных и полубезработных. Его потенциал был потрачен. Это стало больше похоже на «рабочую аристократию», хотя это, наверное, слишком громко сказано, т.к. и много бедных людей принадлежало к движению. Но все равно не было широкого виденья объединения борьбы против эксплуатации и борьбы против исключения. Эта связь между борьбой против эксплуатации и борьбой против исключения, а также промежуточные категории на их пересечении, мне кажутся очень интересными в сегодняшнем контексте.

– Можно ли сказать, что исключения и эксплуатация – это две стороны одной медали? Здесь можно вспомнить аргумент Маркса о резервной армии труда: чем больше безработных, тем легче капиталисту понижать зарплату работающим людям. Значит, чем больше исключение, тем сильнее эксплуатация.

– Да, и именно поэтому я заметил, что отдаление людей от средств к существованию увеличивает резерв труда и усиливает эксплуатацию. Я не думаю, что это должно приводить к росту борьбы вокруг эксплуатации, но я допускаю, что подобное отдаление может приводить и приводило к борьбе вокруг безработицы и отчуждения, доступа к земле. Индия – очень удачный пример, поскольку там можно наблюдать создание особых экономических зон, которые предназначены для развития новой капиталистической экономики. У них нет промышленных заводов, как в Китае, но есть банки, информационные технологии, недвижимость, которая оказывается важным фактором в этих особых экономических зонах. Но когда государство пытается экспроприировать землю, чтобы потом дешево продать ее владельцам капитала, это вызывает бурное сопротивление, и многие из этих особых экономических зон оказываются парализованными. Значит, переход к борьбе против отчуждения характерен для многих протестов в разных частях мира.

Тоже самое можно заметить и в Китае. Там очень интересное сплетение борьбы против эксплуатации и исключения, особенно в сельских районах – много протестов, в отличие от постсоветского пространства.

Я допускаю, что сейчас происходит что-то другое, что Маркс уделил слишком мало внимания обсуждению борьбы вокруг первич-

ного накопления. Даже Роза Люксембург не очень много писала о таком противостоянии – хотя она писала о том, как происходит первичное накопление, и какое значение оно имеет, и считала, что первичное накопление является «необходимой болезнью», двигателем капитализма. Но сегодня мы можем собственными глазами наблюдать битвы вокруг первичного накопления... И я думаю, что в будущем вся борьба против отчуждения будет иметь такую форму.

– Не кажется ли Вам, что недавний экономический кризис изменил эту динамику доминирования борьбы вокруг отчуждения от ресурсов? Как бы Вы охарактеризовали недавние протесты профсоюзов и работник госсектора в Соединенных Штатах? Или же миллионные протесты во Франции против повышения пенсионного возраста? Или протесты в Греции, где население выступает против мероприятий строгой экономии, инициированных правительством. Считаете ли Вы это сопротивление борьбой против эксплуатации, или же чем-то другим?

– На мой взгляд, Вы преувеличиваете важность страйков работников госсектора США. Соединенные Штаты не были одним большим Висконсином. Тот протест был исключительным и очень быстро истощился, утратил импульс, так же как и протесты 2006 года. А в действительности дело в уменьшении значимости рабочего и профсоюзного движения.

Я недостаточно знаю о ситуации в Греции, чтоб комментировать, но можно взглянуть на Испанию. Мы видим сопротивление, которое не является только профсоюзной борьбой. Его участники-молодые люди, не имеющие постоянной работы стабильности, и их сопротивление приобретает довольно радикальную политическую форму. Во-все не так в Англии, где борьба намного более основана на насилии и хаотична, без какого-то определенного политического проекта. Так что все по-разному в разных местах, но участники борьбы чаще всего не имеют отношения к профсоюзам. Я немного скептически настроен насчет способности профсоюзов в традиционном смысле слова, выстроить политический проект, который мог бы кинуть вызов капитализму в его современном проявлении. Я думаю, сопротивление должно быть сосредоточено не вокруг производства, а направлено против рынка. Рынок становится силой, поглощающей все в жизни людей, как в плане доступа к средствам к существованию, так и насчет доступа к употреблению. Рынок формирует жизненный опыт людей в большей мере, чем производство.

– Вы достаточно долго считали себя марксистом, но недавно обратились к идеям Поланьи. Почему это произошло, что вы не смогли найти у Маркса, но нашли у Поланьи? Какие перспективы возрождения марксистской социологической идеи в будущем? Видите ли Вы какие либо изменения, связанные с экономическим кризисом? Возможно, социологов теперь больше интересует политэкономия, критическая марксистская социология?

– Это большой вопрос. Я все еще, без сомнений, остаюсь марксистом так, в моем понимании. Но на самом деле, переход от Маркса к Поланьи произошел, когда я проводил исследования и провел много времени в России 90-х. В то время закрывались заводы, а значит, работников как таковых становилось меньше, и настоящей силой, которая трансформировала жизнь людей, был рынок. Рынок фактически разрушал производство – процесс, который я «инволюцией». Так что мне казалось, что работы Поланьи лучше объясняли процессы в том контексте. Заданием для меня было инкорпорировать Поланьи в марксистскую концепцию, что я и сделал. Главная идея – это анализировать капитализм в контексте трех волн «маркетизации». Каждая волна порождает свое сопротивление, свой марксизм, свое видение социализма. Но главная идея в том, что это все еще капитализм, и единственный способ, которым мы можем понять эти волны и процесс перехода от одной волны к другой, это анализ противоречий в накоплении. Фактически, система развивается именно благодаря им. Но эмпирически эти волны маркетизации оказывают очень важное влияние на формы протеста. Это мое мнение. Другими словами, я считаю, что существует не только третья волна маркетизации, но и третья волна марксизма. Третья волна марксизма – это попытка, поставив в центр теории Грамши и Поланьи, развить то, что я и Эрик Олин Райт называем «социологическим марксизмом», который скорее сосредотачивается на обществе, чем на государстве, экономике. Мы называем это «возвращением социального к социализму».

– Видите ли Вы возрождение марксистского подхода в последние годы? Как президент Международной социологической ассоциации, Вы, возможно, хорошо знаете глобальные тенденции.

– Возрождение, наверное, слишком громкое слово. Марксистский подход в принципе и не исчезал... И, конечно, важно держаться за марксизм и социологическое видение, учитывая постсоветские реалии и то, как последовательно движется к государственному капитализму

Китай. С одной стороны, марксизм стал все более и более безопасным, и люди достаточно раскованно разговаривают со мной как с марксистом, они не видят во мне угрозу. Но мой прогноз довольно оптимистичен, я думаю, что марксизм не умрет до тех пор, пока не умрет капитализм. Так что если кто-то хочет избавиться от марксизма, ему придется сначала избавиться от капитализма. Я думаю, что марксизм развивается там, где есть протест, неважно какой, когда капитализму каким либо образом кидается вызов. Сопротивление в Европе можно интерпретировать по-разному, как и в Украине, – есть правое и левое движение. И они, конечно, по-разному соотносятся с марксизмом. Но левое движение существует, потому что я думаю, что марксизм, возможно, не возрождается, а реконструируется новым способом. Я думаю, что марксизм «железных законов истории» уже отошел в прошлое. На мой взгляд, нам действительно нужно сконцентрироваться на борьбе против исключения. Для этого нужно переосмыслить марксизм, который является непрерывным процессом

– Вы также много писали о кризисе в высшем образовании. Какие ваше видение природы этого кризиса? Что происходит с высшим образованием?

– Тут можно расширить поланиевский подход к марксизму. Он писал о трех воображаемых товарах – вещах, которые товарами быть не должны, – земля, труд и деньги. Так вот, на мой взгляд, сюда стоит добавить еще и знания. Именно это мы и наблюдаем – трансформацию университетов, попытку комодифицировать производство знаний. Это связано с одной стороны, с доступом к университетам – он стоит все больших денег и этой тенденции будет очень сложно противостоять. Даже смотря на то, что в Европе есть определенное сопротивление, трудно сказать, насколько успешным оно окажется. С другой стороны, частью комодификации является и то, что университеты получают корпоративное финансирование, ищут спонсоров исследований среди корпораций, а также пытаются скопировать корпоративную структуру.

Комодификация – это также и возрастающая иерархизация высшего образования. И это можно увидеть абсолютно везде. В Соединённых Штатах, например, огромная образовательная машина все больше и больше дифференцируется, и для ее верхушки, наверное, изменится немного. Но эта верхушка существует благодаря другим уровням, которые являются объектом эксплуатации сверху, и которые совершают огромные объемы учебы, необходимые в высшем образо-

вании. Так что во всех университетах, даже самых престижных, возрастает неравенство между дисциплинами и внутри дисциплин.

Схожие процессы можно увидеть в странах глобального Юга, где есть большие национальные университеты, интегрированные в мировую арену, но также существуют и университеты, которые полностью изолированы от нее, где намного хуже условия труда. Между ними – глубокая пропасть. Некоторые страны Африки практически утратили доступ к высшему образованию и теперь должны полагаться на заграничное образование для своих студентов. Вопрос в том, вернутся ли эти студенты обратно.

Но есть и такие страны, как Китай или Бразилия. Китай является наилучшим примером огромного роста высшего образования. Бразилия также поддерживает расширение системы высшего образования. В то время как другие страны сокращают государственное финансирование, Китай, Бразилия и Тайвань расширяют высшее образование.

На мой взгляд, сейчас в высшем образовании решающими являются два фактора. Первый – это комодификация и коммерциализации высшего образования, а другой состоит в усилении регулирования высшего образования. Оба фактора часто темно взаимодействуют. Англия это чудесный пример того, как регулирование стало основой коммерциализации. Так что действительно, высшее образование сейчас проходит через большие изменения и может быть ареной мощных протестов. Я надеюсь, что студенты и, в некоторой мере, преподаватели будут участвовать в борьбе более утопичного характера.

– Другая проблема анализа маркетизации – это определенный консервативный аспект. Стоит ли нам пытаться вернуться к какому-то идеальному университету, который якобы существовал до последней волны маркетизации? Нужно ли нам бороться за революционные изменения в сфере образования, чтобы сделать университеты более либертарианскими, бросить вызов академической иерархии и академическому способу производства знаний?

– Для меня этот вопрос риторический, поскольку ответ на него – решающее «Да». На мой взгляд, попытки бороться за возвращение к прошлому является опасным. Прошрое, этот «золотой век», никогда не вернется. Как я часто говорю, мы живем в раю для дураков. Автономные университеты, финансируемые государством, – это прошлое. И теперь нам необходимо переосмыслить концепцию «государственного университета» (*public university*). «Публичный» должно означать «подотчетный обществу». Нам нужно по-новому взглянуть на выс-

шее образование, на университет, который понимает себя интегрированным в общество, а не отдаленным от него. Мы должны переосмыслить значение университета, который должен выстроить более крепкие связи с другим обществом, которое также страдает от третьей волны маркетизации.

– Последний вопрос – о вашем понимании публичной социологии, которое прямо касается сближения с университетами и обществом. Я читал Вашу полемику с Петром Штомпкой (Debate on International Sociology, 2011) и разделяю ваш аргумент о «глобальной» социологии, но кажется, что в постсоветском контексте, пытаясь защитить национальную социологию, легко оказаться на одной стороне с учеными-сторонниками национально-православной ее версии, такими как Добреньков.

– Как по мне, то, чем занимается Добреньков, не является социологией. Социология по определению является глубоко критическим, а Добреньков – идеолог. Я думаю, что социология всегда становится на сторону социального общества, и поэтому в этом мире всегда будет находиться в противостоянии к государству и рынку. Кто угодно может объявить себя социологом, но взглянув на работы Добренькова, очень важно убедить себя, что он выступает за самоорганизацию, социальное общество и защита социального общества против государства и рынка.

Но вы действительно правы, национальная социология неоднозначна. Как и само социальное общество, которое может состоять на службе у государства и рынка, а может и противостоять им. Это территория борьбы. И Вы правы, когда говорите, что национальные социологии могут быть достаточно консервативными. Но это не означает, что могут существовать не национальные социологии. Мой главный аргумент в полемике с Штомпкой в том, что не существует так называемой «глобальной» социологии, и то, что за нее выдается, обычно является американской социологией. Я считаю это проблематичным, и считаю, что нам необходимо видеть национальные засады социологии, которые также должны изучаться проблемно. Все должно изучаться именно проблемно! Я считаю, что ваша идея о консервативности национальной социологии абсолютно правильна, к сожалению, Штомпка не поднял этот вопрос.

– И наконец, что бы Вы посоветовали молодым марксистам в постсоветских странах? В политическом и научном смысле.

– О, они все должны заниматься тем, чем занимаетесь вы! Издавать такой журнал, как ваш. Я впечатлен тем, что вы тут делаете. Так что всем нужно приехать в Украину и поучиться у вас. И посетить сайт <http://commons.com.ua>, выучить украинский.

На самом деле я думаю, что ваш случай достаточно одинокий, но он является знаком заинтересованности будущих поколений в критической теории. Для меня вопрос в том, сколько времени должно пройти после распада Советского Союза, чтобы марксизм начал возрождаться? Одно, два, три поколения? Но если подумать, это абсурд, потому как именно в постсоветском пространстве развивается самый жестокий капитализм и маркетизация, и марксизм должен бы тут цвести. Но это невозможно из-за идеологического упадка, который марксизм должен тут, так что появление нового марксизма – это отлично. Марксизм будет развиваться, поскольку здесь капитализм грубый и прозрачный.

Сентябрь 2011 г.

Научное издание

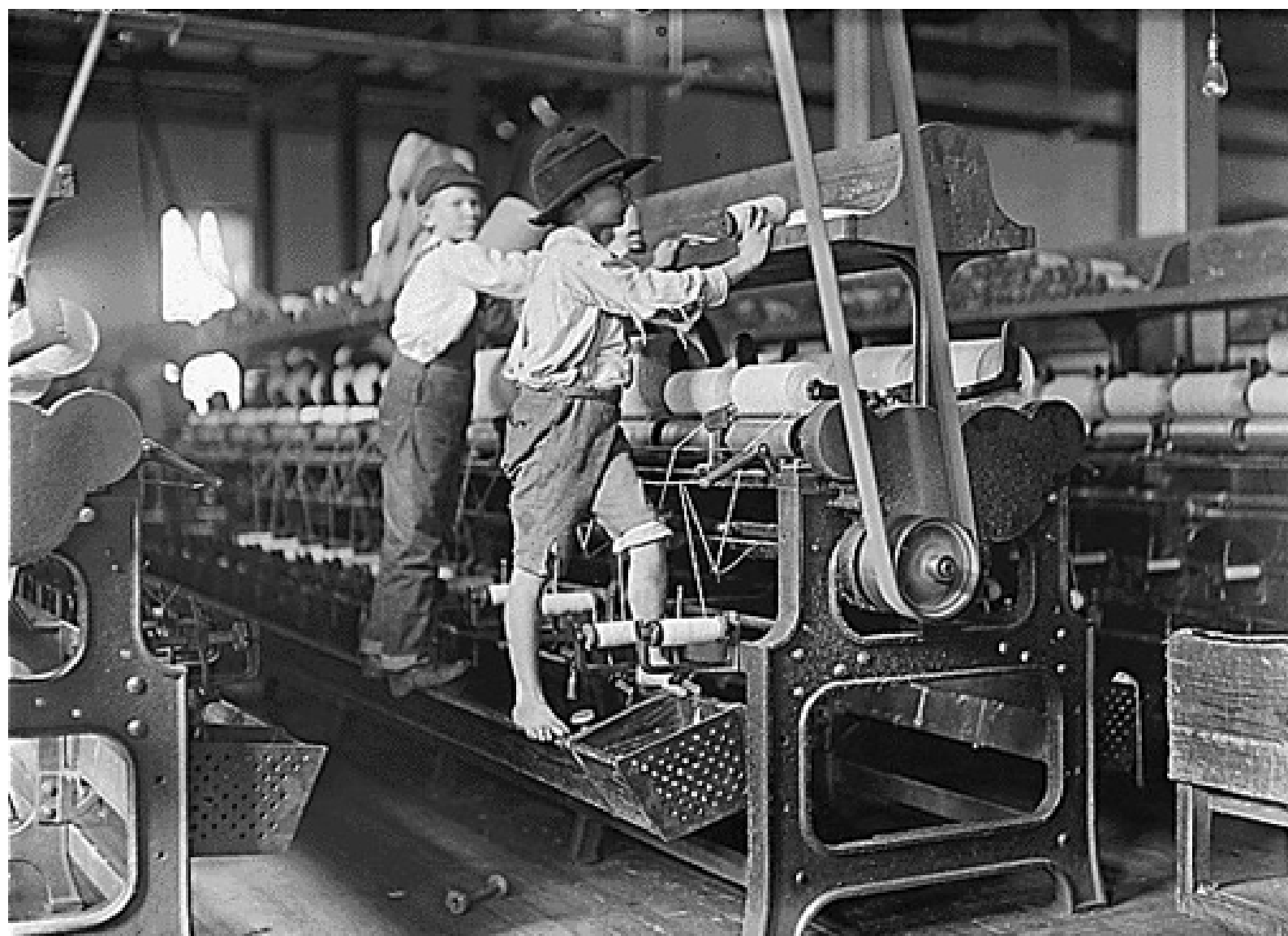
Экономическая теория и история
Воронежский ежегодник экономических исследований

№ 1, 2013

Публикуется в авторской редакции

Электронное издание

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02

**Воронеж
2013**

<http://www.ir.vsu.ru/>